

Д. Арзютов, И. Невская, Л. Павлинская

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА ДЫРЕНКОВА: ОЧЕРК ЖИЗНИ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Двадцатые годы XX в. явились переломным периодом в истории нашей страны. Здесь было все: Гражданская война, разруха, голод, эмиграция части населения, в том числе творческой и научной интеллигенции, и в то же время становление нового Советского государства, организация хозяйства и промышленности, создание новых учебных и научных институтов, подготовка кадров, формирование новых научных школ и направлений. Судить об этой эпохе, видимо, время еще не пришло, но то, что она была особой, несомненно.

В это же время происходило и дальнейшее развитие этнографической науки, выработка методологии и методики научных и полевых исследований. Все это тесно связывало ее с мировой наукой. Однако первые советские ученые-этнографы не только создавали серьезные научные труды по истории и культуре народов мира, но и принимали активное участие в строительстве нового государства. Так, они наряду с другими специалистами работали в созданной еще в 1917 г. при Российской академии наук Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС)ⁱⁱ [Решетов 2003: 90], привлекались также к работе в Госплане и Народном комиссариате по делам национальностей.

Этот этап в истории советской этнографии неразрывно связан с именами Льва Яковлевича Штернбергаⁱⁱⁱ и Владимира Германовича Богоразы^{iv}. Именно им принадлежит основная заслуга в создании ленинградской научной этнографической школы. Пройдя тернистый жизненный путь, важным этапом которого была ссылка в восточные пределы России за участие в революционной организации «Народная воля»: Штернберга — на Сахалин, а Богоразы — в Колымский край, они, как и многие политические ссыльные, занялись изучением коренного населения этих регионов. Лев Яковлевич — народов Сахалина и Приамурья, главным образом нивхов (гиляков), Владимир Германович — чукчей. Приобретая в ссылке обширные знания и бесценный опыт полевой работы, который для Богоразы был под-

креплен работой в Тихоокеанской экспедиции известного американского антрополога Франца Боаса, а для Штернберга — контактами с этим ученым, по возвращению в Санкт-Петербург они фактически возглавили этнографическую науку.

Необходимость решения многих государственных задач, связанных с управлением огромным многонациональным государством, ускорила создание новых учебных заведений, призванных готовить специалистов для молодого Советского государства. В Петрограде 3 декабря 1918 г. создается государственный Географический институт^v, на двух факультетах которого — общегеографическом и этнографическом — началась подготовка специалистов широкого профиля. Этнографический факультет включал кафедры анатомии и физиологии человека, этнографии, палеоэтнографии, общего языкознания и статистики. Деканом этнографического факультета был назначен Л.Я. Штернберг, который, исполняя административные обязанности, читал целый ряд курсов по этнографии. Активную роль на факультете играл и В.Г. Богораз, лекции которого по этнографии палеоазиатских народов и истории религии привлекали, помимо студентов, огромное количество слушателей. В числе студентов этнографического факультета Географического института была и Надежда Петровна Дыренкова.

Надежда Петровна Дыренкова принадлежит к той плеяде советских этнографов^{vi}, которая получила профессиональное образование под непосредственным руководством Штернберга и Богораз и сыграла значительную роль в становлении и развитии советской этнографии, фольклористики и лингвистики.

Надежда Петровна родилась 31 мая 1899 г. в д. Соснинка Новгородской губернии в семье крупного лесопромышленника Петра Федоровича Дыренкова [СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 271. Л. 12; Слезкинский 1896, № 166: 49–80]. Она получила блестящее домашнее образование, к 10 годам «разговаривала по-французски, читала и писала по-немецки, знала английский язык, а также латинский и древнегреческий» [Шабалин 2003: 37]. В 1910 г. умирает отец Надежды Петровны, и трое детей — она, ее брат и сестра — остаются на попечении матери — Марии Петровны. В 1916 г. Надежда Петровна оканчивает гимназию в Петрограде и почти сразу начинает работать, чтобы самой «встать на ноги» и оказать помощь своей семье [СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 271. Л. 12–13]. В 1918 г. она преподает в Советской трудовой начальной школе в г. Луга под Петроградом. Осенью 1920 г. Лужский отдел народного образования направляет ее в Петроградский педагогический институт. Однако вскоре она переводится на этнографический факультет Географического института, который успешно оканчивает в 1925 г.

В институте Н.П. Дыренкова сразу начинает заниматься этнографией тюркских народов Сибири и прежде всего изучением тюркских языков.

Знание языка того народа, исследованию которого предполагал посвятить себя этнограф, было непременным требованием в создаваемой Л.Я. Штернбергом и В.Г. Богоразом новой этнографической школе. По языкам ее готовили выдающиеся тюркологи — академик А.Н. Самойлович^{vii} и профессор С.Е. Малов^{viii}. Она была их любимой и самой способной ученицей. Они навсегда сохранили добрые отношения, которые позднее переросли в тесные творческие контакты. По рассказам племянницы Н.П. Дыренковой, Галины Николаевны Райской, портреты Богораза и Штернберга всегда стояли на домашнем рабочем столе Надежды Петровны.

Студенческая жизнь той поры была наполнена открытиями и новыми взглядами на всю историю человечества. Молодежи казалось, что перед ней распахнулся новый, доселе неведомый мир. Каждое слово преподавателей схватывалось на лету, и образы своих учителей это поколение сохраняло в памяти всю жизнь. В воспоминаниях тогдашней студентки Нины Ивановны Гаген-Торн^{ix} живо описана студенческая жизнь тех лет. Вот что она пишет о лекциях Льва Яковлевича Штернберга:

Аудитория была полна. Заняв все скамьи, студенты сидели, шумно переговариваясь, но сразу же смолкли, когда на кафедре взошел профессор. Худой, как обугленный внутренним горением, старик разложил кипы карточек и поднял глаза. Минуту пристально смотрел на нас сквозь очки, потом начал говорить <...> Я удивилась: что привело сюда всех этих студентов? Почему они слушали не отрываясь напряженную речь Штернберга? И вскоре поняла, что перед нами — не академическая лекция, а дело всей жизни этого человека. В этнографию он вкладывал всю свою волю и страсть. Это ощущалось всеми и не могло не зажигать...

[Гаген-Торн 1994: 50–51].

Другим по темпераменту был Владимир Германович Богораз:

Он входил в аудиторию, круглый как шар, волоча за собой полосатый большой мешок вместо портфеля. Ставил мешок на пол. Плотно усевшись на стуле, начинал беседу с аудиторией. «Имейте в виду, — предупреждал он на одной из первых лекций, — этнографом может стать только тот, кто не боится скормить фунт крови вшам. Почему скормить, спрашивается? Потому что узнать и изучить народ можно, только если живешь с ним одной жизнью. А у них вошь — довольно распространенное животное». Голубые глаза его задорно сверкали. Он вел лекцию-беседу, перемежая научные выводы рассказами, от которых зал грохотал смехом...

[Гаген-Торн 1994: 51–52].

Становление Н.П. Дыренковой как исследователя выпало на непростое время. Студенты вспоминали те дни как счастливые, но трудные. Голодали... Многие из них были фактически жизнью обязаны все тем же Штернбергу

и Богоразу. Н.И. Гаген-Торн в книге о Л.Я. Штернберге приводит несколько историй, когда Лев Яковлевич за свой счет (при этом говоря, что за счет факультета) отправил на лечение (но официально говоря, что в экспедицию) тяжело больного туберкулезом студента Владимира Вецкахтина^x на Алтай к своему давнему другу, известному этнографу Андрею Викторовичу Анохину^{xi}, также Л.Я. Штернберг поступил и с Л.Б. Панек^{xii}, которой стало плохо во время экскурсии по музею. В.Г. Богораз зачастую одалживал студентам деньги, доставая их из своего ровдужного вышитого мешочка, который носил на шее под рубашкой, не прося их возврата. «Вырастете — отдадите не мне, так кому-нибудь другому», — говорил он при этом [Гаген-Торн 1975: 180–182]. Сейчас эти истории кажутся почти мифами, так же как и их герои.

В эти годы судьба свела Надежду Петровну с Николаем (Николаем) Николаевичем Поппе^{xiii}, впоследствии одним из крупнейших монголистов мира, который на всю жизнь сохранил о ней самые теплые воспоминания

В его книге «Reminiscences» есть небольшая заметка о Н.П. Дыренковой:

Одной из самых блестящих студенток была Надежда Петровна Дыренкова, которая позже стала широко известной в области тюркологии. Она была интеллигентна, дружелюбна и отзывчива. Мы сдружились... Я знал многие подробности ее жизни. Она была одной из двух дочерей богатых родителей, которые имели несколько поместий, одно из которых располагалось недалеко от железнодорожной станции Батецкая около Ленинграда^{xiv}. Ее мать жила здесь в начале 1920-х гг. и продолжала оставаться хозяйкой этого имения, но вскоре оно было экспроприровано

[Poppe 1983: 69].

После окончания института по предложению Л.Я. Штернберга Н.П. Дыренкова была оставлена младшим ассистентом на этнографическом отделении географического факультета Ленинградского университета (1925–1928), созданного на основе Географического института. С 1928 по 1930 г. она занимает должность старшего ассистента, а в 1930-м получает должность доцента. В 1931 г. организуется Ленинградский историко-лингвистический институт, в котором открывается этнографическое отделение. На этих отделениях Надежда Петровна ведет семинары и читает курсы лекций по этнографии и языкознанию тюркских народов Сибири. В конце 30-х гг. она преподает на филологическом факультете ЛГУ, куда в 1938 г. с географического факультета было переведено этнографическое отделение [СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 271. Л. 79; АСПбГУ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 275].

Н.П. Дыренкова работает также в Институте народов Севера, где с 1926 по 1932 г. преподает шорский язык [СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5.

Ед. хр. 271. Л. 119], а в 1930–1931 гг. проводит занятия по тофаларскому языку со студентами-тофаларами [Дыренкова 1963: 20]. В этой связи примечателен один факт. Работая в Горной Шории (экспедиция проводилась от Комитета Севера при Президиуме ВЦИК'а^{xv}), она по своей инициативе отобрала и вывезла в Ленинград группу шорской молодежи для обучения на рабфаке Института народов Севера. Эта группа во время учебы постоянно находилась под ее опекой, с ней же она вела и занятия по шорскому языку и традиционной культуре шорцев. Среди этих студентов-шорцев был и отец известного шорского лингвиста Электрона Федоровича Чиспиякова (г. Новокузнецк) — Федор Чиспияков^{xvi}, один из основоположников шорской лингвистики. Позже, с конца 30-х гг., в Ленинградском университете Надежда Петровна, помимо шорского и алтайского, преподает и хакасский язык. О ее высоком профессиональном уровне как специалиста и педагога говорит тот факт, что среди ее слушателей были также аспиранты-тюркологи Института языка и мышления им. Н.Я. Марра.

Помимо преподавательской деятельности, Н.П. Дыренкова ведет огромную научно-исследовательскую работу, и эта часть ее жизни в основном связана с Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого. 1 ноября 1925 г. по инициативе Л.Я. Штернберга ее зачисляют в музей на должность практиканта. В 1931 г. она уже занимает должность научного сотрудника II разряда, а с 15 февраля 1933 г. — должность научного сотрудника I разряда. В качестве старшего научного сотрудника Н.П. Дыренкова проработала в отделе этнографии Сибири МАЭ с конца 1933 вплоть до 1941 г., когда смерть оборвала ее жизнь [СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 105. Л. 2 об., 3 об.]. Ее коллегами по отделу были такие известные ученые, как Георгий Николаевич Прокофьев — крупный специалист по культуре самодийских народов, Глафира Макарьевна Василевич — ведущий специалист по эвенкам, Григорий Давидович Вербов, занимавшийся исследованием языков и культуры ненцев и энцев, Сергей Васильевич Иванов, посвятивший себя изучению традиционного искусства народов Сибири, Леонид Павлович Потапов — специалист в области истории и этнографии тюркских народов Южной Сибири. Это был коллектив, создавший школу советского сибиреведения и внесший огромный вклад в развитие этнографической науки в целом.

В Музее, помимо выполнения колоссального объема научных исследований и постоянных экспедиций в различные районы Южной Сибири, Надежда Петровна включается в работу по организации выставок. В 1929 г. под руководством известного этнографа Е.Г. Кагарова^{xvii} она принимает участие в подготовке выставок «Огонь в истории культуры» и «Жизнь ребенка в свете этнографии» [СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 271. Л. 131 об.]. Через год Н.П. Дыренковой уже самостоятельно был создан раздел «Шаманство» на антирелигиозной выставке Академии наук СССР,

Рис. 1. Подготовка антирелигиозной выставки в МАЭ, 1930 г.

Слева направо: Н.П. Дыренкова, Н.Г. Шпринцин [АМАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 1. Ед. хр. 29]

в этом же году она принимает активное участие в организации выставки «Колониальная политика империалистов и советская национальная политика на Севере» и выставки к Международному дню женщин. Помимо этого, она проводит экскурсии по МАЭ.

Надежде Петровне также вменяется в обязанность чтение общественных лекций. В 1930 г. она участвует в трех политпросветпоходах и выступает в Детском доме культуры с лекцией «Советский Алтай» [СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 271. Л. 129].

В эти годы в МАЭ работает Радловский кружок под руководством академика В.В. Бартольда^{xviii}, и Н.П. Дыренкова совместно с другими молодыми учеными, такими как А.Г. Данилин, Л.Э. Каруновская, Г.В. Ксенофонов, И.Д. Старынкевич^{xix}, Л.Б. Панек, принимает активное участие в его жизни [Решетов 1997: 243–244]. В 1928 г. Надежда Петровна делает доклад «Значение термина “*bura ~ ruḡra*” у алтайских турок», а в 1929 г. сразу два доклада: «Вода, горы и лес по воззрению турецки х племен Алтайско-Саянского нагорья» и «Бубен в турецко-монгольском шаманстве» [АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 200, 206, 222; см. также: Отчет МАЭ 1929].

Рис. 2. Открытие антирелигиозной выставки, 1930 г.

Слева направо: В.А. Ершов, Г.О. Монзелер, Л.Н. Терентьева, Е.Н. Александров, Н.М. Маторин, акад. В.П. Волгин, В.Г. Богораз-Тан, акад. А.Н. Самойлович, Е.Г. Кагаров, Э.Г. Гафферберг, М.М. Пульнер, Э.В. Зиберт, Ю.А. Никитин, Н.П. Дыренкова, Н.Г. Шпринцин [АМАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 1. Ед. хр. 29]

В январе 1930 г., уже будучи вполне сложившимся специалистом, по рекомендации академика А.Н. Самойловича Н.П. Дыренкова поступает в аспирантуру [СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 105. Л. 2 об.]. К этому времени ею опубликовано уже десять статей, часть из которых посвящена исследованию систем родства и форм брака у алтайцев, телеутов, шорцев и киргизов, а часть — традиционным верованиям тюркских народов Сибири. Одна из них “Bear Worship among the Turkish Tribes of Siberia” («Кульст медведя у тюркских племен Сибири») была представлена на XXIII Международном конгрессе американистов и напечатана в сборнике его материалов на английском языке (1930). В рекомендательном письме Самойловича дает очень высокую оценку профессиональной подготовке Надежды Петровны, отмечая также ее преданность науке и проявленную самоотверженность в экспедициях по изучению тюркских народов Южной Сибири и Киргизии. В письме особо подчеркивается, что Дыренкова в соответствии с требованиями времени активно содействует на местах улучшению быта коренных народов. В заключение он пишет:

Избранная Н.П. Дыренковой специальность имеет важное значение в нашей стране, где турецкие племена составляют значительную часть населения. Более подготовленного по данной специальности (этнография турецких народов), чем Н.П. Дыренкова, кандидата на аспирантуру при АН мне неизвестно.

[ЛАД]

Затем началась экзаменационная пора. О сдаче экзаменов Л.П. Потапов вспоминал:

Осенью 1930 г. меня вызвали на экзамены. Экзаменационная комиссия под председательством Н.Я. Марра^{xx} заседала в одном из залов главного здания Академии наук, там, где сейчас находится ЛАХУ. Экзамены держало много народу, все с именами — Ленкорев, Даниекалсон^{xxi}, Костя Державин, сын Николая Севастьяновича^{xxii}, Дыренкова. И Потапов среди них затесался. Этнографов было всего двое: я и Дыренкова. <...> Экзамен был очень строгий, Марр сам председательствовал, в комиссии сидел кто-то из марксистов того времени, уже не помню кто, кажется, местный, возможно Бусыгин^{xxiii}
[Потапов 1993: 109–110].

Составленный Н.П. Дыренковой трехлетний аспирантский план работы поражает своей насыщенностью. Темой своей диссертации Надежда Петровна выбрала «Мировоззрение, религиозные представления и формы культа у турецких охотничьих и скотоводческих племен тюрко-монгольских народов». Исследование этой темы, по ее мнению, должно было воплотиться в цикл отдельных работ, отражающих наиболее характерные черты мировоззрения тюркских народов Сибири. В план было также включено изучение шорского, карагасского (тофаларского), урянхайского (тувинского) и анатолийско-турецкого языков. Последний, как полагала Н.П. Дыренкова, был крайне необходим для доступа к турецкой научной литературе. Только в первый год работы над темой она написала несколько больших статей: «Атрибуты шаманов у тюрко-монгольских народов Сибири», «Культовые животные и его отражение в шаманстве турецких племен», «Становление шамана по представлениям сибирских народов»^{xxiv}.

15 июня 1935 г. в МАЭ на имя Н.П. Дыренковой приходит письмо, в котором сообщается, что Президиум АН СССР по представлению Квалификационной комиссии по общественным наукам присудил ей степень кандидата этнографии [СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 271. Л. 94].

За последующие шесть лет Н.П. Дыренкова публикует три крупные, не утратившие до настоящего времени научного значения работы: «Шорский фольклор» (1940), «Грамматика ойротского языка» (1940) и «Грамматика шорского языка» (1941), три статьи о пережитках материнского рода у тюркских народов Алтая (1936–1937) и статью о положении народов Алтая до и после Октябрьской революции на французском языке в шестом номере журнала «Les Nouvelles Soviétiques» (1933). Кроме того, она подготавливает к изданию «Грамматику хакасского языка», «Тофаларский язык» и три общие статьи о шорцах, хакасах и тофаларах (карагасах) для запланированного в первой половине 30-х гг. 4-томного издания «Народы Сибири». Написаны также и 17 статей, основная часть которых посвящена традиционному мировоззрению тюркских народов Саяно-Алтая. Большин-

ство этих работ осталось лежать в Архиве МАЭ, и только четыре из них были опубликованы после смерти Надежды Петровны: «Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология» (1948), «Материалы по шаманству у телеутов», «Охотничьи легенды кумандинцев» (1949) и «Тофаларский язык» (1963). В 80–90-х гг. в различных изданиях появились публикации нескольких шорских фольклорных текстов, записанных Дыренковой во время экспедиций.

Если говорить о Надежде Петровне Дыренковой как исследователе, то в ней счастливым образом сочетался кабинетный ученый с этнографом-полевиком. Все ее работы отличает скрупулезный сбор материала по литературным источникам. С полным основанием можно утверждать, что, обращаясь к той или иной теме, она досконально прорабатывала всю существующую по этому вопросу литературу, о чем красноречиво свидетельствует то огромное количество ссылок, которые сопровождают каждую ее работу. Поэтому ее статьи не только представляют собой научные исследования, но и являются великолепным библиографическим источником. В то же время все они написаны на основе ее собственных полевых материалов, которые она собирала в течение 18 лет на Алтае, в Горной Шории, Хакасии, Киргизии. Они включают записи эпических сказаний, легенд, преданий, песен, сказок, загадок, пословиц, рассказов, шаманских текстов, описание обрядов и обычаев, быта, жилища, одежды, социальной организации коренных народов этих регионов и составляют золотой фонд отечественной этнографии.

Первая экспедиция Н.П. Дыренковой состоялась в 1923 г. в рамках «летних экскурсий», организованных Л.Я. Штернбергом и В.Г. Богоразом как полевая этнографическая практика для студентов Географического института и университета. В этот год 26 студентов были направлены в различные районы европейской части России. Они работали по специальной программе, разработанной Львом Яковлевичем. Собранный ими материал охватывал «материальную культуру, экономику, социальную жизнь, верования, брак и, в частности, свадьбу» [Материалы 1926: 6]. Именно материалы по свадьбе, собранные всеми участниками экспедиции в северных губерниях, легли в основу большой статьи «Северо-Великорусская свадьба», подготовленной к публикации «экскурсантками» К. Мыльниковой и В. Цинциус. Статья вышла в свет в первом выпуске «Этнографических материалов» под редакцией Штернберга и Богоразы [Материалы 1926: 19–170]. В этом сборнике был напечатан и ряд авторских статей по свадебной обрядности различных районов России.

Надежда Петровна была направлена в Лужский уезд Петроградской губернии. Материалов этой экспедиции Дыренковой в Архиве МАЭ не сохранилось. Однако из вступительной статьи Штернберга известно, что сведения по свадебной обрядности она записала у Ольги Ивановны Пав-

ловой в деревне Заполье и Пелагеи Никитичны Никитиной в деревне Подберезье [Материалы 1926: 17]. Собранный Надеждой Петровной материал вошел практически во все разделы статьи «Северо-Великорусская свадьба».

В этой экспедиции Н.П. Дыренкова занималась и археологией. Этот факт сейчас малоизвестен. Вот что пишет ее давний друг Н.Н. Поппе:

Она была увлеченным археологом и уже тогда [1923 г. — *Н.П.*] провела несколько раскопок русских кладбищ XII–XIV вв.

[Poppe 1983: 69].

Н.П. Дыренкова проводила археологические раскопки и в своих первых экспедициях в Горной Шории [Устное сообщение этнографа В.М. Кимеева]. К сожалению, отчетов об этих ее исследованиях не сохранилось.

В «Этнографических материалах» были опубликованы и статьи по народам Сибири. Статья А. Ефимовой «Телеутская свадьба» — по материалам совместной с Дыренковой экспедиции 1924 г., а также статья Г. Старцева «Некоторые данные о браке и свадьбе у остяков» — по данным, собранным им в Березовском и Обдорском районах Томской губернии в 1925 г. Здесь же были помещены две статьи Надежды Петровны: «Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеутов», написанная по материалам экспедиции 1924 г., и «Родство и психические запреты у шорцев» — по материалам экспедиции 1925 г. Штернберг очень высоко оценил эти первые самостоятельные работы студентов. В предисловии к сборнику он пишет:

Кроме указанных материалов по русской свадьбе, имеется еще несколько статей по браку у некоторых народов Сибири — алтайцев и остяков. В этих статьях материал не только совершенно новый, но необычайно ценный с точки зрения общезнаменательной. <...> Остается только удивляться, что с этими важными фактами нам приходится знакомиться впервые из студенческих работ, хотя среди алтайцев и остяков работало немало лиц до того. Это только доказывает, как много еще остается сделать по части этнографических исследований в нашей стране и, что еще важнее, как необходимо, чтобы исследователи были бы научно подготовлены к своей работе

[Материалы 1926: 16].

Научной подготовке студентов Л.Я. Штернберг уделял огромное внимание. В 1924 г. студентки и выпускницы этнографического факультета Н.П. Дыренкова, Л.Э. Каруновская, Л.Б. Панек и А.Е. Ефимова^{xxv} были отправлены в свою первую экспедицию на Алтай. Здесь они работали среди телеутов и алтайцев (алтай-кижи) под руководством выдающегося ученого-этнографа, композитора, педагога и друга Л.Я. Штернберга — Андрея Викторовича Анохина, жившего в то время в Барнауле. Анохин

выбрал им для работы Шебалинский район Алтая, а как основную базу — старейшее село Черга, где и сам собирался в этом году проводить исследования. Таким образом, молодые этнографы постоянно находились под его опекой. Он знакомил их с людьми, подсказывал, где и у кого можно собрать интересный материал, вместе с ними присутствовал на свадьбе и шаманском камлании, помогая записывать тексты и проверяя их записи.

Андрей Викторович Анохин был удивительно разносторонне одаренным человеком. Он занимался изучением эпического, песенного и музыкального творчества тюркских народов Алтая, их верований, обрядов, обычаев и, конечно, шаманизма. Его работы «Предания алтайцев о своих царях-богатырях» (1912), «Шаманизм у телеутов» (1916), «Бурханизм в Западном Алтае» (1927), «Душа и ее свойства по представлению телеутов» (1929) не утратили своего значения до сегодняшнего дня.

Но в полевых дневниках Н.П. Дыренковой и Л.Э. Каруновской 1924 г. А.В. Анохин предстает перед нами не только как великолепный знаток культуры народов Алтая, но и как добрый, щедрый и заботливый человек. Лидия Эдуардовна пишет:

Приехали под вечер [в село Черга. — *Сост.*]. Встретил нас Андрей Викторович, объявил, что будет самовар, но перед этим, если хотим, баня. Приятный сюрприз — спустить всю грязь, накопившуюся за две недели дороги [АМАЭ. Ф. 15. Оп. 2. № 11. Л. 12].

Из записей Надежды Петровны, сделанных во время алтайской свадьбы:

Андр[ей] Викт[орович] записал Лид[ии] Эдуард[овне] 2–3 мелодии и преподнес ей. Удивительно он записывает мелодии, у него абсолютный слух. Оба его ученика также теперь привыкли и живо улавливают и записывают. Алтайцы приходят в восторг, когда оба мальчика поют им их родные песни [АМАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 49. Л. 65].

Экспедиции в Сибирь, как и во многие отдаленные районы России, в 20–30-е гг. были необычайно трудными и требовали от этнографов большой силы воли и мужества. К сожалению, дневники Н.П. Дыренковой 1924 г. сохранились только в виде отдельных разрозненных листов, но представить всю сложность этой поездки помогает дневник ее коллеги Л.Э. Каруновской. Ее записи начинаются с 19 июня, с момента прибытия в Ново-Николаевск (ныне — Новосибирск):

Поезд должен был уйти на Барнаул в 3 часа с минутами ночи, несмотря на то что состав был подан часов в 7 вечера, нас в поезд не пускали, а проморозили на ветру до 3-х ночи, публики возле вагонов набралось очень

много, и когда открылись вагоны, получилась ходынка, пассажиры, давя друг друга, стали влезать в вагоны, стараясь попасть первыми, чтобы занять на ночь хорошие места. Это обстоятельство учли воры и повычистили карманы у нескольких пассажиров, в числе жертв оказалась и Лидия Борисовна [Панек. — *Сост.*]. При посадке у нее вытащили 3 червонца, м.[ожет] б.[ыть], немного больше, и билеты до Бийска, ее и мой. <...>

В Барнауле на станции сказали, что город в 3-х верстах. Камеры для хранения вещей на вокзале не оказалось. Возница спросил с нас 3 рубля за доставку вещей в центр, мы же после понесенной в Ново-Николаевске потери были вынуждены рассчитывать каждый грош, посему сидели как погорельцы на своих узлах, обдумывая положение. Но свет оказался вторично не без добрых людей. В наш разговор вмешалась появившаяся рядом молодая девушка, оказавшаяся местной учительницей Богомоловой, и предложила довести на своей лошади до общежития учителей, где мы и могли найти ночлег. Часа через два она привела лошадь и отвезла в общежитие, которое оказалось переполненным приехавшими педагогами. Пришлось устраиваться на полу под окнами с разбитыми стеклами

[АМАЭ. Ф 15. Оп. 2. № 11. Л. 1–2].

В Барнаул Каруновская, Дыренкова, Панек и Ефимова прибыли 21 июня, выехав из Петрограда 13 июня, то есть находились в пути 9 дней. Вечером они встретились с Анохиным, который рассказал им о районе будущей работы, маршруте и предложил добираться до Бийска вместе на пароходе по Оби. В этой экспедиции принимал участие и Константин Вертков, возможно, один из учеников Анохина, его записи сказок хранятся в Архиве МАЭ, в фонде Н.П. Дыренковой [АМАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 46. Л. 61; № 20. Л. 1–70]. В Барнауле Каруновская сильно простудилась, но, несмотря на температуру и плохое самочувствие, «оставалась в строю».

Из Бийска 24 июня девушки отправились на телеге в селение Черга, до которого было 125 верст. Найти телегу и договориться с ямщиками было непросто, и в какой-то момент они даже решили идти пешком, но судьба была к ним благосклонна, молодой русский крестьянин по имени Иван (18 лет) согласился отвезти их. Андрей Викторович Анохин выехал несколько раньше, но в пути они дважды встречались, и он объяснял им, в каких селах следует остановиться и включиться в работу. Они проехали Красный Яр, Грязнуху, Каменку, Алтайское, Сарысу. В полевом дневнике Л.Э. Каруновской есть достаточно подробные описания Красного Яра, Грязнухи и Сарысы.

Путь был длинный и трудный.

Речка Сарыса причудливо вьется, заставляя переезжать то на одну, то на другую ее сторону в поисках лучшего пути. Шимка [лошадь Ивана. — *Сост.*] заметно приустила. Перед каждым подъемом слезали с телеги, чтобы ей легче было подняться, но чем дальше в горы, тем подъемы круче и спуски

не облегчают лошадей, так как Ваня сдерживает ее изо всех сил и она должна спускаться, держа на себе всю телегу. Вся упряжь лезет ей на голову. Таким образом, и при спусках нам приходится идти пешком. Самоотверженнее всех шагала Анна Ефимова, затем Лидия Борисовна. Надя больше пользовалась телегой, а я прыгивала только перед подъемами и при крутых спусках, так как у меня была повышена t, каждое движение вызывало испарину, а местами нас основательно обдувало холодным ветром, посему я избегала лишней раз идти пешком, разгорячиться, при этом горло пересыхало и болело

[АМАЭ. Ф. 15. Оп. 2. № 11. Л. 10 об.–11].

Полевой сезон 1924 г. был для молодых этнографов очень насыщенным. Они работали в селах Черга, Черта, Актел, Унюрли и Мыйту, постоянно выезжая то все вместе, то по одиночке в соседние улусы — Верхняя Черга, Атарда, Анос, Аскат, Агайра, Чемал и др.

Полевые дневники и записи участниц этой экспедиции позволяют судить о методе их работы, который был выработан Л.Я. Штернбергом и В.Г. Богоразом. Они старались фиксировать все. Их дневники содержат подробные описания селений и улусов, жилища, одежды, домашней утвари и, конечно, различных обрядов. Собран был этими молодыми этнографами и огромный лингвистический материал, включающий обрядовые тексты, сказания, названия родов, а также записи отдельных слов и выражений. Они оставили нам и удивительно поэтичные описания природы Алтая, и сведения о своих случайных встречах с людьми, отмечая их характеры, внешность, записывая краткие диалоги и свои впечатления. От их глаз не ускользали мельчайшие подробности быта, отношения внутри семьи и многое, многое другое.

Но в то же время в сохранившихся материалах этой экспедиции достаточно четко проявляется главный круг интересов каждой из ее участниц. В записях Надежды Петровны Дыренковой, хотя и сохранившихся весьма фрагментарно, основное внимание уделено внутрисемейным, внутривидовым и межродовым отношениям, нормам брака и связанным с ними основным моментам свадебного обряда, семейным и родовым духам-покровителям, данным о количестве детей, положению их в семье и, конечно, шаманским камланиям. В них также постоянно упоминается о зарисовке утвари и других предметов быта, которые, к сожалению, почти не сохранились в ее архиве.

Участницы экспедиции побывали на двух телеутских свадьбах в селении Мыйту и улусе Верхняя Черга. В дневнике Дыренковой сохранилось описание свадьбы в Верхней Черге, да и то не полностью, но и оно свидетельствует о том, насколько тщательно она фиксировала все этапы свадебного обряда. Н.П. Дыренкова, правда, отмечает, что «о той же писать не стоит, потому что Ан[на] Еф[имова] специально этим занимается и опишет все подробно». И действительно ее интересуют только те обрядовые сю-

жеты, которые раскрывают взаимоотношения двух родов — рода жениха и рода невесты. Это дает основание полагать, что в экспедицию Надежда Петровна выехала с определенным заданием Л.Я. Штернберга — собрать материал по проблеме отцовского и материнского родов, проблеме, которая его самого очень интересовала и которая была уже освещена им в работе «Гиляки» [Штернберг 1905]. В своих наблюдениях Надежда Петровна особое внимание уделяет роли старших родственников жениха и невесты при сговоре, участию рода в выплате калыма, выявляет институт авункулата и то особое значение, которое приобретают взаимоотношения двух родов во всех свадебных обрядах. Так она описывает, например, приезд родни невесты на свадьбу в дом жениха:

Послали узнать, далеко ли родня невесты. И когда посланный вернулся, все вскочили в седла, захватили тажур с аракой, тапши с мясом и кюпк с чеген'ем, поехали встречать. Хороша была встреча. Немного ниже аилов под горой в логу. Гости ехали быстро кавалькадой и, не доезжая встречных из улуса, выстроились длинной ровной шеренгой и пошли вперед развернутым флангом. Далеко выстроились от края к краю ровно и торжественно, в шубах, чагадках и высоких остроконечных алтайских шапках. И навстречу им двинулась такой же линией встречающая родня жениха. И две линии приближались и, наконец, сомкнулись, и началось угощение. Затем родня жениха быстро повернула коней и гурьбой понеслась в гору к аилам. Спешились и были готовы встречать гостей. Все это, эти развернутые в линию всадники, приближающиеся и съезжающиеся за аилами, напоминало то время, когда они также съезжались, но уже встречались не так мирно

[АМАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 49. Л. 65 об.].

Работать в этой первой экспедиции Надежде Петровне было очень трудно, ей, как, впрочем, и другим членам экспедиции, еще не хватало знания разговорного языка. Так, после одной из бесед со старым телеутом Дыренкова записывает:

Приехал телеут, который живет сейчас в Мал[ой] Черге, сам из Бочат. Записывали у него сказку про Козикă. Измучались страшно. Писали по-русски и по-телеутски

[АМАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 49. Л. 58 об.].

И далее:

Говорила через Сергея. Здесь в Верхней Черге никто не говорит по-русски. Чувствуешь себя совершенно беспомощным. <...> Записывали сказку у Николая Почаева Коi Коiрук — овечий... Костя [Вертков. — *Сост.*], который пришел вместе с нами, совершенно отчаивается — никто не понимает по-русски. И грязь до отвращения

[АМАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 49. Л. 60 об.–61].

Тем не менее Н.П. Дыренкова собирает большой материал, который позволяет ей написать статью «Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут» (1926), получившую высокую оценку Л.Я. Штернберга, а также начать серьезное изучение традиционных верований и культуры тюркских народов Южной Сибири.

В дневнике Л.Э. Каруновской есть небольшой сюжет, который в какой-то степени приоткрывает нам характер Надежды Петровны. Перед самым возвращением в Улала (Горно-Алтайск) из района работ она на день выехала в улус Анос. Все остальные участницы экспедиции собрались в селении Узнези и ждали ее, но в этот день она не вернулась:

14/VIII. Утро. Солнце высоко, мы давно на ногах, а Дыренковой нет как нет, ждали, что каждую минуту могут подать лошадей, а мы не можем без нее двинуться дальше.

Наконец часов около 12-ти Надя явилась верхом и самым беспечным тоном объявила, что ночевала в Аносе, так как ей кто-то из встречных сказал, что мы уехали уже из Узнези, таким обр[азом], она наняла верховую до Улалы [АМАЭ. Ф. 15. Оп. 2. № 11. Л. 125–126].

Возможно, насчет «беспечности тона» Каруновская несколько преувеличивает, и ее можно понять, так как Надежду Петровну коллеги ждали больше суток и очень волновались. Но важно другое: она задержалась в Аносе явно из-за того, что обнаружила интересный материал. И это было для нее главным. Она не побоялась отстать от экспедиции и проделать весь путь до Улалы, около ста верст, в одиночку верхом. Это та самая самоотверженность и преданность науке, о которой писал А.Н. Самойлович в отношении Дыренковой в своей рекомендации в аспирантуру.

Однако дневники Н.П. Дыренковой дают представление о ней не только как о серьезном, вдумчивом, самоотверженном ученом, но и как о глубоко эмоциональном человеке. И это особенно важно для понимания ее личности, так как научные работы Надежды Петровны написаны в сдержанном, даже, можно сказать, сухом стиле, когда основное внимание уделяется только фактам и выводам. А дневники рисуют нам молодую женщину, которая, трясясь на телеге или верхом по горным дорогам Алтая или Шории, искренне наслаждается красотой окружающей природы. По пути с Алтая в Шорию (1925), проезжая село Сузоп, она записывает:

Село основано на р. Саза, на тракте Бийск-Кондома. Торговый центр. Кооператив. За Сузопом дер[евянный] мост на сваях через р. Саза — и за ней начинается уже чувствоваться тайга. Словно подвинулись отдал[енные] холмы и гуще, и чаще покрылись лесом. Сама почва сразу резко изменилась, нет больше чернозема, серая глинист[ая] почва, и дорога легла серовато-дымчатой лентой. Все время подъемы и спуски. И кажется на подъеме, что лес

словно упал вниз. Крутые скаты покрыт[ы] растительностью и лес внизу, далеко в логу, т[ак] ч[то] верхушки его едва снизу достают уровня дороги. Дальше дорога опускается вниз, и деревья, глав[ным] обр[азом] осины, трепещут высоко в голубизне неба своей листвой. Погода отчаянно жаркая. Тяжело от жары даже ехать, лошади совершенно потные, и к тому же кусают слепни и мухи.

И далее:

Сразу за деревней [Шабурово. — *Сост.*] проходит граница Бийского уезда и Щегловского уезда (бывший Кузнецкий), до Антропа [следующая деревня. — *Сост.*] <... > верст. Тайга становится менее редкой. Пихтач уже менее обгорелый, нижние его ветки рыже-красного все-таки цвета. Примешивается береза. Надвигаются холмы. Дорога становится каменистой. Начинается подъем на горы перед Антропом. Направо идут сплошной грядой покрытые березой и осиной горы, за ними виднеется голубоватая гряда далеких Мрасских гор. Белые облака окаймляют гряды. Пахнет белоголовиком. Спуск идет поворотами налево от дороги, становится прохладнее, чувствуется сырость, вода. По обе стороны дороги идет шпалерами речной тальник. Налево от дороги надвигается уступ каменной горы. Словно столбы, на нем вытянулись сосны, осины, а обрыв порос кустарником, крыжовником и стелющейся сосной

[АМАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 46. Л. 5–6].

Эти строки относятся к экспедиции на Алтай следующего, 1925 г., в которую Н.П. Дырэнкова выезжает уже после окончания института со своей коллегой по предыдущей поездке А.Е. Ефимовой. Экспедиция была организована Географическим институтом. Однако вскоре поступает распоряжение выехать в Кузнецкий округ Томской губернии для изучения положения шорцев. Финансирование этого экспедиционного этапа шло по линии Комитета Севера [Хроника 1926: 96]. Экспедиция продолжалась в течение почти пяти месяцев, с июля по начало ноября.

На Алтае молодые исследовательницы работали среди алтайцев в улусах, прилегающих к селу Карагол, расположенному на Чуйском тракте, примерно в 200 км от Увалы. Из дневников Н.П. Дырэнковой этого года известно, что здесь они записывали «алтайские тексты», но более подробных сведений мы не имеем, так как ее записи начинаются только с 29 июля, когда они вернулись в Увалу, для того чтобы выехать в Шорию.

В Увале проливные дожди задержали их почти на две недели. В течение этих дней они занимались проверкой переводов, записанных в Караголе текстов, беседами с алтайцами и телеутами, а также работой с представителями местной администрации.

Эта экспедиция в Шорию и, главное, поручение Северного комитета обследовать положение шорцев стали важным этапом в жизни, а точнее,

в научной судьбе Н.П. Дыренковой, дав ей возможность не только посвятить значительную часть своих исследований культуре этого народа («Шорский фольклор», «Грамматика шорского языка», включение материалов по шорцам в большинство статей по тюркам Южной Сибири»), но и принять активное участие в административном и социальном обустройстве этого района. Из «Записки об образовании Горно-Шорцевского района», хранящейся в Архиве МАЭ и, видимо, написанной А.Е. Ефимовой на основе их совместного обследования Шории в 1925 г., ясно следуют и задачи, которые были поставлены перед молодыми этнографами, и причины, по которым их отозвали с Алтая и направили в Шорию.

Зимой этого года при В.Ц.Исп[олнительном] комитете возник Северный комитет по защите быта туземцев, или, еще иначе, Комитет содействия северным народностям Сибири. Центр со времени революции все время следил за жизнью туземного населения Сибири и видел, что таковая с каждым годом не улучшается, а ухудшается, нищета, социальные болезни достигли крайней точки и большинство туземцев обречено на вымирание. Центр пришел к убеждению, что так больше поступать нельзя, нужно обратить большое внимание на народности Сибири и спасти их. С этой целью при ВЦИКе выделился особый орган, о котором я говорю, т.е. Комитет содействия. В его ведение вошли все северные народности Сибири, как то: остяки, тунгусы, эскимосы, якуты и буряты. Шория по своему положению к северным народностям не подходит и вопрос о ней, сделать ли ее непосредственно подчиненной Комитету или оставить составной частью Томской губернии, оставался спорным очень долго. Даже в мае месяце ничего определенного не было известно. Только в июле, будучи в Ойротской автономной области, мы получили командировки и предписание отправиться в Шорию и приступить к выполнению своих обязанностей. Мы приехали в Шорию, а целый ряд нам подобных разъехался по всем уголкам Сибири, чтобы выполнить задания Комитета. Задания для всех одинаковы: ознакомиться с экономическим бытом инородцев, подробно и всесторонне описать их материальные условия и совместно с местными работниками края обсудить и наметить план, по которому должен действовать Комитет. В первую очередь определить, в каком месте должна быть главная база Комитета, где бы шорец мог найти для себя все необходимое. На эту тему мы говорили с представителями РИК, они единогласно признали Кабырзу. Ко времени нашего отъезда из Кондомы РИКом уже был отчасти разработан план для Северн.[ого] комитета и составлены сметы. Окончательно этот вопрос не был решен за отсутствием Тельгерекова. Может быть, собрание найдет необходимым здесь поработать в этом направлении и представить РИКу свои соображения и доводы, как собрание мыслит провести такого рода работу.

В беседе с РИКом самым трудным для решения оказался следующий [вопрос]: как выделить Шорию в самостоятельную единицу, подобно Ойротской области Киргизск[ой] Республики? Одна Шория мала для самостоят[ельного] существования, поэтому Комитетом на нас возложена

задача — нельзя ли ее объединить с Ойротской областью или туземцами Енисейского края, смотря потому, есть ли у шорцев с ними общие точки соприкосновения

[АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 247. Л. 1–2].

Шория тех лет может встать перед глазами довольно отчетливо. Отсутствие дорог, разбросанность селений, их удаленность от районного центра, неразвитость инфраструктуры и, как следствие, усиливающееся обнищание населения. Выезжая из Улалы в Шорию, Надежда Петровна записывает в дневнике:

Причем нас провожали напутствиями вроде того, «что в Шории не дорого, а одни слезы, что много мы увидим слез и горя», причем я не понимала, относится это к нам, т.е. мы ли будем горевать, или придется увидеть много нужды и горя среди мест[ого] населения

[АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 1 об.].

Подготовку к поездке в Шорию Дыренкова и Ефимова начинают в Улале — центре Ойротской автономной области. Они направляют официальный запрос председателю Облисполкома об отношении администрации Ойротской области к присоединению Шории. Вопрос этот обсуждался на заседании Облисполкома, и официальный ответ был следующим:

1. Ойротская область не хочет никаких соединений с Шорией, ссылаясь на отсутствие путей сообщения. Так как путь через верховья Мрассы и Лебеди лишь верховой и малоудобный, путь через Антроп и Сузоп также считается неудобным, хотя и колесный. Так что сообщаться пришлось бы через Ново-Николаевск [сейчас — Новосибирск. — *Сост.*] и Кузнецк [сейчас Новокузнецк. — *Сост.*].

2. На отсутствие культурных сил. Ойротская область считает, что у них нет даже достаточного количества культурных работников для своей области.

3. На отсутствие вообще экономического тяготения к Шории у Ойротской области и взаимно у Шории к ним

[АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 1].

Однако официальный ответ Облисполкома не удовлетворил этнографов, и Надежда Петровна частным образом встретила с некоторыми его членами.

Из бесед же с членами Ойрот[ского] облисполкома я постаралась узнать неофиц[иальное] мнение Ойротии. Получились следующие ответы: Ойрот[ский] облисполком не является выразителем мнения ойрот[ского] населения — алтайцев, так как в его составе большинство членов русские. Сами же алтайцы всецело стоят за присоединение к ним Шории.

По реке Лебеди у Ойр[отии] и Шории получилась чересполосица, так как шорцы, а также и русские староверы живут на Ойр[отской] территории, но ввиду того что они и от Кузнецка, и от Ойротии совершенно автономны от тех и других. По мнению членов Облисполкома, они не хотят признавать своего «подданства» Ойротии под влиянием раскольников, живущих среди них. Из неофициальных разговоров выяснилось, что национальное тяготение к Шории в Ойрот[ской] области оч[ень] сильно, но знания этого края, т.е. Кузнецкого района, совершенно не имеется; никто не мог указать даже маршрут на Кондомское, и ящик взялся везти нас лишь до р. Бия — алтайского Сайдыпа

[АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 1–1 об.].

В этом небольшом отрывке из дневника содержится настолько много информации, что его детальному анализу можно было бы посвятить отдельное сообщение. Однако остановимся на главном. Во-первых, мнение о «национальном тяготении» Ойротской области к Шории принадлежит лишь некоторым членам Облисполкома, по всей видимости, алтайцам. Выяснить отношение к этому вопросу всего населения Ойротии или, по крайней мере, большей его части у исследователей не было возможности. Во-вторых, Надежда Петровна очень тонко подмечает, что, хотя «национальное тяготение» есть, никто дороги в Кузнецкий край, район проживания шорцев, в Горно-Алтайске не знает и представления об этой территории не имеет. Таким образом, в этой записи Дыренковой очень точно отражена политическая ситуация — желание части руководства Ойротии присоединить Шорию к своей области, укрупнить ее и обогатить соседними землями.

Обследование Шории дало основание Дыренковой и Ефимовой поставить вопрос о целесообразности образования в Шории самостоятельной национально-административной единицы, что получило отражение в документе «Записка об образовании Горно-Шорцевского района», написанной ими по возвращению в Ленинград.

Проблема Горной Шории была решена уже в следующем году — 12 апреля 1926 г. Декретом ВЦИК на части территории Кондомского и Кузнецкого районов был образован Горно-Шорцевский район Кузнецкого округа Сибирского края, просуществовавший до 1939 г. В это время фактически только происходил процесс установления границ национальных областей и районов, и деятельность Дыренковой и Ефимовой имела огромное значение, во многом определившее судьбу шорцев. Однако анализу ситуации в Шории предшествовала сама экспедиция 1925 г., одним из результатов которой и стал цитируемый выше документ.

Дневники этой экспедиции — единственные полные путевые записи Надежды Петровны ее многочисленных поездок на Алтай, в Шорию, Кир-

гизию и Хакасию, и поэтому столь важны для понимания личности этого замечательного этнографа.

Путь Дыренковой и Ефимовой лежал в село Кондома, где был расположен Районный исполнительный комитет (РИК). Он начинался в Улале (Горно-Алтайск) и шел через села Верхнее Карагушенское (Ойротская область), Старые Барды, Кажа, Макарьевское, Былык-су, Сайдык, Кубия, Толстоково, Кычыково, Сузоп, Саблинское, Ушлѐп, Шабурово (Бийский уезд). За Шабурово уже начинался Щегловский (бывший Кузнецкий) уезд, где проживали шорцы. По его территории этнографы проехали село Антроп, деревни Карта-гол, Гривненская и Тормашка, поселок Чугунрк и 1 августа прибыли в село Кондомское. За четыре дня они проделали путь около 190 верст, т.е. более 200 км. Из них только 52 версты от Сузопа до Кондомы ехали по тракту, идущему из Бийска, остальные — по горным дорогам.

Сразу за Улалой раскинулись ряды заметно уже понижающихся гор, подъемы на горы, хотя и некрутые, но зато бесконечно длинные. Прежде всего нам пришлось бы переехать р. Улалушку, впадающую в р. Майму, и ехать друг[им] берегом, но благодаря дождям мост через Улалушку был снесен, и пришлось ехать горами, как обычно здесь называют «гривами». Подъем был очень продолжителен, больше версты пришлось подниматься пешком, так как колеса и так скользили назад из-за намокшей дороги. <...> После спуска следовал снова подъем на нов[ую] гору, правда, не очень высокую, и т[ак] без конца

[АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 1 об.–2].

Приезд Н.П. Дыренковой и А.Е. Ефимовой в Шорию явился важным событием в истории шорцев. Напомним, что к этому времени судьба Шории все еще оставалась неясной. В 1923–1924 гг. административное районирование территории Горной Шории охватило два района: Кондомский и Кузнецкий, первый из которых был почти моноэтническим (77 % шорцев), второй — смешанным, русско-шорским [Кимеев 2006: 314–315]. Большую роль в этом сыграл состоявшийся в 1924 г. татаро-шорцевский съезд в поселке Кузедеево. Из 43 его делегатов 40 были шорцами, и сам съезд проводился на шорском языке. Как пишет М.Б. Белозерова: «Вопроса о создании какого-либо национального района в повестке дня не было, но под давлением части шорских делегатов он был выделен в самостоятельный вопрос. В 1925 г. в улусе Мыски при содействии Сибревкома произошел Первый съезд Советов Горной Шории, на котором был избран Горно-Шорцевский райисполком» [Белозерова 2004]. Однако Шория все еще не имела статуса национально-административной единицы, и решение этого вопроса во многом зависело от позиции ленинградских этнографов.

В Кондомском они задержались на две недели, посвятив основное время беседам с членами РИКа и местным населением, а также изучению

различных документов, относящихся к истории района, положению шорцев, их численности, расселению, родовому составу, состоянию хозяйства и т.п., т.е. той деятельности, которая сыграла важную роль в судьбе Горной Шории.

Работу Дыренкова и Ефимова начали в первый день своего приезда в село Кондомское. В дневнике Надежда Петровна записала:

В РИКе председателя не было, он в отъезде в Кузнецке. Заместитель, прочитав мое удостоверение, ответил мне, что меня они уже ждут. В ответ на мое удивление указал мне на только что полученную газету. Причем он добавил, что они, прочит[ав], что Сев[ерный] комитет при ВЦИКе командует человека в Шорию, решили, что это будет по крайней мере не раньше будущ[его] года. Пришел секретарь РИКа [Кадымаев. — *Сост.*], недели две как назначенный в РИК из сельсовета Усть-Анзаса, сам шорец по происхождению. Нигде так хорошо не отнеслись к нам, как здесь. Все поголовно были искренне рады приезду и выразили готовность работать совместно и помочь во всех вопросах. <...> Они нам рассказывали, что еще весной послали в Москву просить, чтобы их прин[яли] под защиту Сев[ерного] комитета, потому что их край забытый и их никто не знает. Все командированные из губернии доезжают лишь до села Кондомского в лучшем случае и по селу судят о всей Шории

[АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 7].

На следующий день, 2 августа 1925 г., Дыренкова и Ефимова имели продолжительную беседу с секретарем Кондомского РИКа Николаем Павловичем Кадымаевым, который обрисовал им всю проблему административного обустройства Шории, но единого мнения по ее решению в РИКе не было. Из дневника Н.П. Дыренковой:

Он [Кадымаев] шорец и рьяно отстаивает интересы шорцев. Главное — им не нравится центральный пункт Шории в селе Кондомском, далеко от тайги настоящей и шорцев, он стоит за центр Шории в Кабырзе по прит[оку] Мрассы, другие шорцы <...> председатель РИКа Тепчерев — за центр в Мысках, недалеко от впадения Мрассы в р. Томь. Кабырза есть центр тайги и Шории, в этом и ее преимущество, недостаточность в отдаленности и неимении помещений. Хотя хлеб и все великолепно можно запастись зимой, а летом на лодках по реке. <...> За Мыски говорит то, что Мыски близки к центру и Томи, там есть свободные помещения для перевода туда различных учреждений. Но недостаток тот, что Мыски слишком далеки от тайги и там не будет чувствоваться Шория. Кабырза же — центр Шории — «сердце Шории». Но сейчас все шорцы стоят лишь за одно — Кондомское чуждо Шории, они все больше за Кабырзу, но согласны перевести центр в Мыски (удобство сообщения и помещений), чтобы дальше двинуть ее в Кабырзу

[АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 8 об.].

При этом ситуация с самим РИКом была очень тяжелой. Район был убыточным, секретари РИКа менялись очень часто: зарплату и без того

низкую задерживали (иногда до полугода), система управления была разрушена. Сотрудники РИК'а жаловались Н.П. Дырэнковой, что ситуации с Суранаш-Байгольским сельсоветом^{xxvi} они просто не знают, так как он находится в самой труднодоступной части района. Однако проблемы с РИКом и выбором районного центра не шли в сравнение с состоянием хозяйства района и, в частности, охотничьего промысла, изучению которого Дырэнкова и Ефимова уделили особенное внимание. В Кондомском была организована фактория, но ее работа была неэффективной, так как по всей Шории действовали как государственные агенты из Бийска, так и частные скупщики из Кабырзы, Мысков и Осинников, среди которых основное место занимали обрусевшие шорцы. Последнее село, расположенное в Кузнецкой волости, по выражению Н.П. Кадымаева, являлось «гнездом» скупщиков. Агенты и скупщики старались выехать в шорские улусы как можно раньше, пока охотники не узнали установленных цен на пушнину. Бывали случаи, когда черно-бурую лисицу покупали у охотника за 25 руб., а продавали за 1000. Долги шорцев за приобретенные боеприпасы и продукты были необычайно велики, некоторые охотники выплачивали долги, взятые 10 лет тому назад. Более того, с момента организации фактории (1 октября 1924 г.) агенты стали платить за пушнину несколько больше, чем установленные цены в фактории, и это во многом подрывало ее деятельность. Смущала шорцев и необходимость оформления в фактории документов. Они привыкли к устной договоренности и всегда честно расплачивались с агентами и скупщиками. В 1925 г. в Шории началась работа по организации охотничьих промысловых товариществ, но работа эта шла медленно, и основной проблемой были финансовые трудности. Так, чтобы снабдить боеприпасами и продуктами всех охотников Кабырзинского сельсовета, требовалось от 75 до 100 тыс. руб. Таких денег в районе не было [АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 12–13 об.].

Исследование состояния охотничьего промысла Дырэнкова проводит и в селе Усть-Кабырза, которое после Кондомского стало следующей базовой точкой в этой экспедиции.

5-го сентября, Усть-Кабырза. Вчера вечером в Усть-Кабырзе устраивали первое совещание комиссии по улучшению быта шорцев. Присутствовали наиболее развитые из шорцев Кабырзы, надо сказать, что все подобные инородцы — переселенцы с низовьев Мрассы и Томи, они же служат здесь во всех учреждениях: Госторге, кооперативе, сельсовете. Все инородцы до сих пор крепко держатся за охоту, и хотя охота в последние годы не оправдывает тех колосс[альных] невзгод и усилий, кот[орые] они затрачивают на нее (приходится идти на лыжах 100–200–240 верст). Охоту они выдвигают как основной промысел населения. Как ее улучшить, трудно сказать. Никакие меры, охранительные и запретительные, здесь не могут быть проведены. Зверь с каждым годом уменьшается (попутно на этом собрании узнала, что

белка перешла с земли на небо, оттого нет ее больше здесь). Сейчас единст[венный] выход для инородцев — усиление земледелия и переход от абыла [примитивное орудие для обработки земли. — *Сост.*] к плугу. У многих инородцев есть плуги, но стоят и ржавеют, не умеют обращаться с ними. Постановили не только прислать земледельческие орудия, но и научить их [АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 12–13 об.].

Именно неразрешимость многих проблем в охотничьем промысле шорцев приводит этнографов в ходе первой их экспедиции в Горную Шорию к выводу о необходимости перехода к другим видам хозяйственной деятельности. По возвращению в Ленинград Дыренкова и Ефимова сделали доклад, в котором затрагивались основные вопросы современного социально-экономического развития Горной Шории. Они говорили о необходимости «в ряде пунктов Шорского района организовать агропункты, показательные хозяйства или просто послать на место сведущих инструкторов» [Хроника 1926: 99].

При всем том условия района говорят за то, что при надлежащей организации и земледелие, и скотоводство, и пчеловодство могут вполне обеспечить население. Земли много; урожай, даже при интенсивной крестьянской обработке, могут быть весьма хороши. При некоторых условиях можно прожить даже одним пчеловодством. Стоит только лишь присмотреться к весьма обеспеченной жизни местных крестьян-староверов, чтобы убедиться в том, что край, в котором туземное шорское население едва перебивается, терпит постоянные голодовки, при некоторой организующей, планомерно руководящей помощи может превратиться в зажиточный и во всех отношениях обеспеченный район

[АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 254. Л. 1].

Однако позднее в статье «Шорцы», написанной для тома «Народы Сибири» в первой половине 30-х гг. после нескольких экспедиций в Шорию и другие районы Южной Сибири, Н.П. Дыренкова уже иначе видит перспективу развития Горной Шории, прекрасно осознавая, какое огромное значение для сохранения этноса имеют традиционные виды хозяйственной деятельности. Речь уже идет лишь о планировании хозяйства и его технической реконструкции, но охотничий промысел занимает здесь первое место.

Перед районом стали задачи превращения из района с отсталой примитивной техникой охотничьего и земледельческого хозяйства, с неразвитым скотоводством в планово-охотничий промысловый район, полной реконструкции сельского хозяйства и использования природных ископаемых богатств. Несмотря на то что сельское хозяйство из-за разбросанности и распыленности отдельных хозяйств и населенных пунктов и из-за примитивной тех-

ники до сих пор еще недостаточно интенсивно, малотоварно и не обслуживает всех нужд района, район имеет в области реконструкции сельского хозяйства значительные достижения

[АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 232. Л. 13].

Детальное обследование Горной Шории было очень полезно и нужно для советского правительства. Об этом красноречиво свидетельствует официальное письмо ответственного секретаря Ленинградского отделения Северного комитета при ВЦИК Я.П. Кошкина.

Н.П. Дыренковой в ответ на письма от 5 и 10.IX с.г. [1925 г. — *Сост.*].

1. Присылайте в срочном порядке доклад, обоснованный экономически, политически и этнографически и согласованный с местными советскими и общественными организациями, о современном состоянии Шорского края, в частности о выделении Шории в автономную единицу, а также о включении шорцев в сферу попечения Северного комитета. В противном случае будет затруднительно предпринять какие-либо реальные шаги.

2. Приветствуем организацию Комитета улучшения быта шорцев, который сможет повести плодотворную работу при условии сплочения вокруг него местных советских, партийных и общественных сил.

3. Копии протоколов заседаний Комитета улучшения быта шорцев присылайте в Московский Северный комитет, в Ленинградское отделение и по мере надобности в местные вышестоящие советские органы.

4. Собранные Вами жалобы при невозможности удовлетворения их на месте присылайте с краткой запиской через нас в секретариат тов. Смидовича.

5. Тов. Чиспяков приехал. Приняты меры к устройству его на Рабфак. О командировке шорцев в текущем году в Ленинград будет срочно возбужден вопрос перед Северным комитетом. До уведомления никого не присылайте.

6. С денежным отчетом можно обождать.

7. Против Вашей совместной работы с тов. Ефимовой возражений нет.

Сообщайте, как у Вас продвигается обследование быта шорцев, в частности их культурного положения и работы комсомола. Кроме того, присылайте известия о Ваших успехах по изучению языка.

Отв. секретарь Кошкин

[АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 254. Л. 1].

Создание Комитета по улучшению быта шорцев, в котором Дыренкова и Ефимова приняли активное участие, было крайне необходимо для решения самых насущных проблем, в частности для налаживания школьного образования и состояния интернатов. Так, в селе Кабырза Н.П. Дыренкова записывает:

Разместились в интернате, в учительской, — стекло нет, выбиты. Холодно. Полы местами проваливаются, крыша течет. Ребята босые, рваные.

Кормят их одним затхлым хлебом и чаем. Впечатление от интерната, словно здесь было мамаево побоище. Само по себе здание хорошее. Больш[ой] дом с тесов[ой] 4-скатной крышей <...> но бесхозяйственность во всем поражает. Не мудрено, рассказывают, что 2 прежние заведующие истратили до 5 тыс. денег и сидят в тюрьме. <...> Все они сироты или дети бедняков. Очень невзыскательны — довольны даже и тем, что едят затхлый хлеб. Работают сами — ходят в поденную работу к населению и все деньги вносят в общую кассу

[АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 34–34 об.].

Не менее тягостное впечатление производили и некоторые мелкие улусы:

В ближайшем [от села Кабырза. — *Сост.*] Качсүве на левом берегу Мрассы живут шорцы сòдк Кузай. Поражают своею бедностью. Ютятся в юртах, в некоторых по несколько семей. Дети голые, есть больные, другие — и взрослые, и дети — в лохмотьях. На вопрос сколько детей, женщины про умерших отвечают: не умерли, а *aina cipsaldy*, т.е. злой дух съел.

[АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 36 об.].

Дневники Н.П. Дыренковой 1925 г. свидетельствуют, что работа в этом полевом сезоне велась еще более активно, чем в предыдущем. Ее записи дают представление о большей части Горной Шории. Опорными базами являлись села Кондома, Усть-Кабырза, Усть-Мрасса и Мыски. Описания этих сел особенно подробные. Однако Дыренкова и Ефимова обследовали и большинство улусов, прилегающих к этим селам на расстоянии до 14 верст. Причем передвигались они исключительно на лошадях верхом, что было далеко небезопасно. Из дневника Н.П. Дыренковой:

Лошади совершенно одичалые, ходят все время на воле, запрягаются лишь тогда, когда едут в Усть-Кабырзу, а на ближние расстояния — или в лодке, или пешком. Зимой отгоняют к стогам, там и питаются, переходя от одного стога к другому. Григория лошадь рванула, свалила его. Моя тоже понеслась, но я с трудом уцелела. Его лошадь унеслась. Смешно было смотреть на него, как он шел в белом новом *kendir*е и сверху шерстяной длинный шабур, нес седло. Шел и все ворчал и под конец не вытерпел: «У, сволочь!» — выругал лошадь

[АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 12 об.–13].

Так началась поездка Надежды Петровны в Усть-Кабырзу, где проходило собрание, на котором было необходимо выбрать на основании распоряжения из Томска делегатов для поездки в Ленинград и кандидатов для обучения на Рабфаке. Выехала Дыренкова в Усть-Кабырзу из местности, где были расположены пашни старого шорца Адоры и двух его сыновей —

Григория и Леонтия. Здесь Надежда Петровна провела почти неделю, подробно изучая шорское земледелие, бытовой уклад семьи, верования, обряды. Адора был очень знающим человеком и стал одним из лучших информантов Дыренковой, его имя часто встречается в ее статьях, посвященных традиционной культуре шорцев.

Дневники Дыренковой 1925 г., как уже говорилось, — единственные хранящиеся в Архиве МАЭ полные записи ее поездок, именно поэтому они имеют такую большую ценность. Сравнивая их хотя и с отрывочными записями 1924 г., становится ясно, насколько быстро росла она как исследователь. Дневники дают нам представление о состоянии хозяйства Горной Шории, социальном быте и школьном образовании, родовом составе, родовых и семейных отношениях, традиционных верованиях и шаманстве и, конечно, о природе этого края. Но главное — это значительно более углубленное проникновение в традиционную культуру, широта ее охвата, внимание к мельчайшим ее особенностям. Об этом свидетельствуют полевые записи Дыренковой, выполненные на отдельных листках и разбитые по темам. Часть из них записана на русском, часть — на шорском языках. Так, выделены темы: «О материальной и духовной культуре шорцев», «О материальном и духовном быте, семье и пище шорцев», «О названии гор, рек, улусов Горной Шории», «О фамильно-родовом составе», «О родовом составе и происхождении шорцев», «Об одежде и ткачестве шорцев», «Об охотничьих приметах, поверьях, рыболовстве, пчеловодстве», «О земледелии и уборке хлеба у шорцев». Записи дополняют зарисовки орудий труда, транспортных средств, предметов быта, которые дают четкие представления об их форме и конструкции, раскрывая способности Дыренковой к рисунку. Значительное место занимает раздел «О шаманстве шорцев», дополненный подробным описанием шаманского камлания. В то же время сохранившиеся в Архиве МАЭ дневники и материалы этой экспедиции не позволяют очертить весь круг тем, к изучению которых Надежда Петровна приступает в 1925 г. Однако ее статьи конца 20-х гг. свидетельствуют о том, что уже в самом начале своей полевой работы в Южной Сибири Дыренкова сразу охватывает наиболее существенные стороны мифологической картины мира тюркских народов Саяно-Алтая, исследуя основную триаду присущих ей образов — образы птицы, медведя и коня/оленя, а также женского божества Умай [Дыренкова 1928, 1929; Dyrenkova 1930].

В этой экспедиции Н.П. Дыренкова приступает к записи шорского фольклора. Из-за отсутствия на большинстве полевых материалов датировок достаточно трудно определить, в какие именно годы были записаны те или иные фольклорные тексты. С достаточной долей условности можно говорить о том, что в своей первой экспедиции в Шорию Надежда Петровна записала несколько эпических сказаний и сказок. По всей видимости,

это сказания «Altyn Kan», «Кок пор-аттыг кок канн», «Кара канн» и сказка «Ала негис». Другим важным начинанием была работа по составлению шорского словаря, в чем большую помощь Дыренковой оказал секретарь РИКа Николай Павлович Кадымаев.

Представление об экспедиционной работе в Шории в 1925 г. значительно дополняет письмо Надежды Петровны к Л.Я. Штернбергу:

Глубокоуважаемый Лев Яковлевич.

Сейчас мы ведем работу в районе Кабырзы при впадении этой реки в Мрассу. Объехали район Лебеди до границы расселения шорцев и шолганов, а теперь хотим работать стационарно. Работы здесь уйма, край абсолютно забытый — с одной стороны, ведем работу в различных кооперативах, госторогах, сельсоветах, а с другой — стараемся знакомиться с камами и вести этнографическую работу. Этнографического материала здесь масса, но получить его крайне трудно, никто не говорит по-русски, а затем они так боятся русских, что трудно к ним подойти. На днях мы приехали к одной камке, а она спряталась от нас в лесу, только кое-как уговорили ее выйти и заговорить с нами. Возможно, постепенно познакомимся с ними, а они ближе подойдут к нам. Видели уже одно камлание. Нашли в Кабырзе погребения детей на деревьях, зарисовали их, перед отъездом хотим взять их с собой. По дороге сюда в лесу нашли скелеты и всю домашнюю утварь шорской семьи, шедшей в 1921 г. из <...> приисков на Лебедь и умершей с голода по пути. Попробуем эти вещи выслать в Ленинград. На этих днях поселимся в улусе шорцев в Верх. Кабырзе, в самом отдаленном районе, и пробудем до 1 окт. С 1 окт. до 10 проживем в Усть-Анзасе — на Мрассе, а затем, как ни жаль, потому что в этом районе наиболее сохранившийся шорский быт, придется сплавиться вниз по Мрассе на лодке в низовья ее. И закончим работу в низовьях Мрассу и по Томи — там уже обруселые инородцы.

Сейчас посылаем к Вам в Ленинград одного шорца (Влад[имир] Германович в задании велел привезти 2-х) учиться, он малоразвитый, его, наверное, определят на Рабфак университета. Посылаю пораньше, потому что я вернусь поздно, а он это время может уже учиться в Ленинграде, и он сам рвется учиться. Едет он на свои деньги. Занял у кого мог. Я посылаю его к Вам, Вы его направите уже по Вашему усмотрению куда нужно. Другому шорцу не выехать отсюда — нет у него совсем денег, хоть более развитый, чем этот, и может сразу поступить на этнограф[ическое] отделение. Кроме этих двух, есть еще третий. Если мне разрешат от Северного комитета, то кроме этого, кот[орый] сейчас приехал к Вам, привезу еще двух. Только им нужно или бесплатные проезды, или деньги на дорогу (100 руб. на двоих). Пускай Влад[имир] Герм[анович] решит, как быть. Мы им обещали их взять, и потому лучше бы, конечно, если бы нам дали возможность их отправить учиться.

Здесь в Кабырзу приехал спустя некоторое время после нас проф. Иванов из Томска вместе со своими студентами-шорцами, учащ[имися] сейчас в Томске. Они вели здесь и в других местах этнографическую работу. Он приходил к нам, попросил посмотреть наши программы, отнесся очень скеп-

тически к нашей работе, сказал, что работать здесь — дело краеведческой организации, местных инородцев, что у них в Томске имеется инородческий кружок при рабфаке и с одним из таких инородцев-шорцев он приехал работать в Шории. Судя по его работе (он также брал сведения у Красного Креста и сельсоветов), у нас одни и те же задания. К тому же у него командировка не из Томска, а из Москвы. Теперь даже не знаем, как быть, выходит, что мы будем делать одну и ту же работу, но у него с собой студент-шорец, у кот[орого] почти в каждом улусе родственники, человек, кот[орый] великолепно все здесь знает, а нам приходится все время самим нащупывать почву себе для работы. Приезд Иванова как-то расхолодил работу. Интересно, известно ли в Северн[ом] комитете о работе Иванова и насколько необходима тогда наша работа здесь.

После его приезда мне особенно хочется, чтобы как можно больше шорцев взяли учиться в Ленинград, потому что им самим — шорцам — будет легче работать в своем крае, а также и нам совместно с ними. На этой неделе Томск[ий] университет вызвал отсюда еще новых шорцев для поступления в Томск[ий] рабфак. Ленинграду необходимо также, по-моему, взять возможно больше шорцев отсюда.

Мы очень беспокоимся за нашу работу. Сведения по экономике, кот[орые] мы стараемся получить согласно заданиям, от самого населения все имеют склонность быть приуменьшенными. Будем стараться сверять их с данными Госторга, сельсовета и др.

В Ленинград вернемся не раньше декабря. Единственно меня беспокоит, что у нас не хватит денег, потому что пришлось прожить в Улале в <...>, лошади от Уалы до Кондомской стоили больше 50 руб. Жили в Конд[омской] 10 дней, лошади верховые, проводник — 100 руб. Пришлось купить сапоги, брезент, и лодка стоить будет от 40 до 55 руб. Мне страшно писать Влад[имир] у Герм[ановичу] о деньгах. Может быть, наша работа не оправдает 400 руб., ассигнованных мне, но все-таки нам денег не хватит.

Может быть, Влад[имир] Герм[анович] смилуется и вышлет нам хотя бы 150 руб. еще, а может быть, и 200. Потом мне хочется взять хоть неб[ольшое] число предметов отсюда для музея (Иванов увез отсюда больше 200 предметов). Если Влад[имир] Герм[анович] найдет возможным дать нам еще 150–200 руб., то пускай пошлют нам на Усть-Анзас Томской губ[ернии] Кондомского района, Усть-Анзасский сельсовет.

Здесьние шорцы прежде всего просят больницу постоянную, вчера было собрание и постановили просить Сев[ерный] комитет устроить им постоян[ный] мед[ицинский] пункт, а то здесь в некоторых улусах поголовн[ый] сифилис. Вообще нищета здесь вопиющая, ходят полунагие и зимой, и летом. И помощь Комитета содействия здесь, безусловно, необходима. Постараемся сделать все, что сможем в работе, может быть, удастся оправдать Ваше доверие. Но страшно за работу.

Пока. Всего Вам доброго. Привет Саре Аркадьевне.

Глубоко уважающая Вас Над. Дыренкова.

31-го августа, Кабырза

[СПб. ФА РАН. Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 97. Л. 5–6 об.].

Первым результатом экспедиции 1925 г. стала статья «Родство и психические запреты у шорцев», опубликованная уже в 1926 г. в сборнике «Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР» [Материалы 1926: 247–259], где была помещена и ее первая статья по классификационной системе и брачным нормам у алтайцев и телеутов. Таким образом, тема систем родства и связанных с ними взаимоотношений различных членов двух родов, заключивших брак, в эти годы занимает важное место в творчестве Надежды Петровны.

Именно изучению этой темы Дыренкова уделяет основное внимание в своей следующей экспедиции 1926 г. (с 20 мая по 1 августа) в Семиреченскую область, куда она была командирована вместе с Иоанной Дмитриевной Старынкевич (впоследствии Хлопиной) [СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 271. Л. 138]. В 1927 г. в «Сборнике этнографических материалов» выходит ее статья «Брак, термины родства и психические запреты у кыргызов» [Дыренкова 1927а: 7–25]. Однако, как уже неоднократно отмечалось, для Н.П. Дыренковой был характерен необычайно широкий интерес к культуре народов, исследованием которых она занималась. Так, после экспедиции в Киргизию она пишет статью «Обычаи, связанные с рождением и воспитанием ребенка» [АМАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 202. Л. 1–28]. В Архиве МАЭ хранится также и фрагмент ее статьи «О животных и верованиях, связанных с ними, у киргиз» [АМАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 201. Л. 1–12]. Уже эти примеры свидетельствуют о глубоком проникновении в культуру, о понимании взаимосвязанности всех ее элементов, начиная с социальных отношений и заканчивая верованиями. А Надежде Петровне всего 26 лет, она только что окончила институт, хотя за плечами было уже четыре экспедиции.

Краткий дневник Н.П. Дыренковой «Пограничная Киргизия», всего 12 страниц, дает представление о маршруте этой экспедиции. По железной дороге этнографы добрались до Пишпека (Фрунзе, Бишкек), затем на телеге до Иссык-Куля, потом поселок Рыбацкое, села Каракол, Нарын и, наконец, последний оседлый пункт Ат-Баши. Судя по дневнику, основная работа велась именно в прилегающих к Ат-Баши районах. Дыренкова довольно подробно описывает сам поселок и жизнь его обитателей:

Глиняные плоские дома с наружной стеной, глухие к шуму улицы, спрятанные от глаз (прячут свою внутрен[нюю] жизнь от посторонних глаз), высокие пирамидальные тополя. Арыки посредине города и базар — где только и чувствуется жизнь, где сарт только и живет, где сарт торгует. Население — киргизы и сарты, по преимуществу выселившиеся из Кашгара и наз[ывающие] себя кашгарлык. Ат-Баши торгует. И главный торговец — сарт.

С утра и до позднего вечера живет базар — под навесами своих лавок мясники развешивают мясо, привлекая покупателя жиром <неразборчиво>,

тут кузнецы и портные, и тут же сидят маленькие сарты, гордо продавая мыло, ленты, иголки или яблоки, мелкие, незрелые, вывезенные из Токмака. В окрестностях фруктов нет — фрукты ценятся как лакомство

[АМАЭ. Ф. 3. Оп. 1. № 130. Л. 2–3].

Однако киргизский дневник Дыренковой интересен не только своим ярким описанием поселка Ат-Баши. Именно в этой экспедиции она вырабатывает принцип работы с материалом, который в дальнейшем применяет при написании первого варианта статьи и частично в полевых записях. Надежда Петровна пишет только на левой половине страницы, оставляя правую чистой, чтобы иметь возможность дополнить текст фактами, выводами или внести стилистическую правку. Этот принцип она использовала на протяжении всей своей жизни.

В 1927 г. были организованы две экспедиции — на Алтай и в Горную Шорию. Целью алтайской экспедиции было «изучение современного населения Алтая в лингвистическом, физико-антропологическом и этнологическом отношениях» [Отчет АН СССР 1928а: 116]. Для горношорской экспедиции главным было выполнение следующих заданий: «1) выявление границ расселения шорцев; 2) изучение расселения их по родам; выяснение связи с соседними племенами, на западе — с шолганами, на востоке — с сагайцами» [Отчет АН СССР 1928б: 118]. Однако, помимо этих заданий, в круг интересов Н.П. Дыренковой входило изучение весенних жертвоприношений. Результатом работы участников этих экспедиций стал выпущенный в довоенный период ряд монографий и статей

Алтайский отряд был командирован КИПСом. Во главе отряда стоял С.И. Руденко^{xxvii}, а в его состав входили: А.Н. Самойлович, Л.Э. Каруновская, М.Н. Комарова^{xxviii}, Л.П. Потапов и А.Г. Данилин.

Горно-Шорская экспедиция МАЭ проводилась под формальным руководством уже тяжело больного Л.Я. Штернберга, но в поле с начала мая и до середины августа работали Н.П. Дыренкова и И.Д. Старынкевич. В Отчете АН СССР об этой экспедиции говорилось:

Н.П. Дыренкова выехала 2.IV для того, чтобы изучить весенние жертвоприношения, устраиваемые сразу после ледохода. Вследствие подъема воды пришлось пробыть в течение месяца в низовьях р. Мрассу, за это время была предпринята поездка в верховья по р. Томи (улус Чульджан). Доехав до последнего шорского улуса у верховьев р. Мрассу (улус Камзас), Н.П. Дыренкова прошла в долину р. Матура, в район, занятый шорцами, переселенцами из Кузнецкой тайги, но принадлежащими Хакасскому округу. В районе верховьев р. Тоо и Аскыса работа велась среди родов, одноименных с родами, населяющими Кузнецкую тайгу, но по языку и быту составляющих переход к сагайцам

[Отчет АН СССР 1928б: 118].

Во время своих экспедиций Н.П. Дыренкова переписывалась с Л.Я. Штернбергом. Вот последнее из ее писем, написанное в 1927 г., незадолго до его смерти:

Дорогой Лев Яковлевич!

Вы на меня не сердитесь, что так долго не писала. Но я едва успела проехать через реку в последнюю ночь: наутро пошел лед, двинулись все реки и речки, и сегодня, 6 мая, я в первый раз получила из Ленинграда почту. Дорогой я немного «покупалась»: ночью мы ввалились с лошадьми в реку. Но деревня была близко, так что меня быстро переодели. Потом я чуть поболела. Но зато я побывала на шести весенних жертвоприношениях хозяевам рек и гор. Видела, как кам (шаман) Феофан ходил за новым бубном к Ульгеню. Только Вы не сердитесь, Лев Яковлевич: я теперь совершенно здорова, только голос хрипит. Дождусь Старынкевич, и тогда поедем дальше. Я думаю отсюда ехать в район Анзаса, оттуда в самые верхи Мрассу и перевалить горами к Минусинску. Не сердитесь на меня, я совершенно здорова!

Ваша Н. Дыренкова

[Гаген-Торн 1975: 222].

Разъехавшись по своим маршрутам, Н.П. Дыренкова и И.Д. Старынкевич встретились в улусе Усть-Кабырза лишь один раз. Уже возвращаясь из Горной Шории в Ленинград, И.Д. Старынкевич пишет письмо Н.П. Дыренковой:

Дорогая Надя! После того как мы расстались, я выполнила задание Льва Яковлевича, собрала коллекции и нашла много интересных вещей, купила их. Обратный путь мы с Марусей Хвостовой и с одним случайным попутчиком, местным агрономом, проделали в лодке от селения Усть-Кабырза по притоку Томи — Мрассу. Сплав длился 7 дней. В середине пути были, как вы знаете, Камысовские пороги. 14 августа мы были там, нас затянуло в водоворот. На корме с одним веслом сидел агроном, в середине — Маруся, я на носу с другим веслом, и фактически мне пришлось править лодкой. Нас закрутило. И откуда только у меня силы взялись! Удалось выгрести лодку из водоворота на тихую воду. Я все время неустанно думала о Льве Яковлевиче, о том, что он скажет, узнав, что погибли такие коллекции, и какая на мне ответственность. Верно, это и дало мне силы. Выгретла, пристали, я едва вылезла из лодки, растянулись на траве, и рукой шевельнуть не могла. Потом мы узнали, что за три дня до нас на этом водовороте погибли люди и лодки. Ну встретимся, расскажу все подробно, а Льву Яковлевичу напишу, что высылаю коллекции

[Хлопина 1992а: 108; см. также: Гаген-Торн 1975: 224–225].

Материал, который привезли молодые исследовательницы, был огромен. Благодаря доставленной ими коллекции Музей обогатился со-

бранием предметов культуры и быта шорцев, общее число экспонатов которого составило более 200 единиц (колл. № 3645). Оно стало фактически первой шорской коллекцией Музея. Помимо нее, Н.П. Дыренковой был привезен ценнейший иллюстративный материал по шорцам, сагайцам и телеутам. (колл. № 3662 — 182 фотографии и негативы). У последних Н.П. Дыренкова работала в улусе Бачаты (Бачат) в Кузнецком районе.

Научный материал этой экспедиции лег в основу статьи «Вода, горы и лес по воззрению турецких племен Алтайско-Саянского нагорья», в которой Н.П. Дыренкова подробно описывает жертвоприношение духу — хозяину реки во время ледохода, очевидцем которого ей повезло стать. Спустя 2 года после экспедиции она выступила с докладом по этой теме на заседании Радловского кружка. Продолжала собирать Надежда Петровна и материал по культу медведя, который, обобщив со сведениями, полученными на Алтае и в Шории в 1925 и 1927 гг., и дополнив анализом этнографической литературы, она изложила в статье “Bear Worship among the Turkish Tribes of Siberia” [Direnkova 1930: 411–440].

1930-е гг. были необычайно напряженными в научной деятельности Надежды Петровны. Объем собранного ею полевого материала и количество созданных научных трудов свидетельствуют о потрясающей трудоспособности исследователя и высочайшем уровне творческого потенциала. География ее экспедиций охватывает практически весь регион расселения южносибирских тюрков. Она изучает культуру шорцев, телеутов, кумандинцев, чулымцев, хакасов, тофаларов. В эти годы основное внимание Дыренкова уделяет сбору фольклора, изучению языков и духовной культуры этих народов. Едва ли не ежегодно она выезжает «в поле», но, к сожалению, архивные материалы не дают возможности полностью восстановить хронологию ее экспедиций. Полевые дневники этих лет в Архиве МАЭ отсутствуют, возможно, Надежда Петровна их больше и не вела.

В 1931 г. Дыренкова работает среди телеутов в Беловском районе Новосибирской области (бывший Кузнецкий уезд Томской губ.). В этой экспедиции она работала в улусе Чолухой, где в 1911 г. А.В. Анохин приобрел и передал в МАЭ два шаманских бубна (колл. № 2014-1, 3), сопроводив их подробным описанием. Отталкиваясь в своем исследовании от материалов Анохина, Дыренкова встретила с родственниками уже умерших к тому времени шаманов и записала от них совершенно уникальный материал по телеутскому шаманству [Дыренкова 1949: 107–190].

С мая по октябрь 1932 г. Надежда Петровна вновь посещает Горную Шорию. Одним из немногих свидетельств этой экспедиции является письмо Н.П. Дыренковой, написанное В.Г. Богоразу:

Глубокоуважаемый Владимир Германович!

В течение июня месяца я работала в центре Горно-Шорского района Кузедеево (собира[ала] отд[ельные] свед[ения] по району) и в районах добычи жел[езной] руды. Сейчас еду работать в верх[овья] р. Томи. Денег на коллекции я так до сих пор и не получила. Из полученной же суммы (а здесь цены значительно выше ленинградских) закупать коллекции я совершенно не имею возможности. Я об этом написала Д.К. Зеленину. Будьте добры, предупредите дирекц[ию] МАЭ и скажите им, чтобы сразу же выслали телеграфом 500 руб. (на коллекции) на адр[ес]: Горно-Шорск[ий] район, Мыски, иначе срывается закупка коллекций. В 20–25 числах июля я уже на лодке поднимусь в <...> района.

29 июня 1932 г.

Ув[ажаящая] Вас Н. Дыренкова

[СПб. ФА РАН. Ф. 250. Оп. 4. Ед. хр. 112. Л. 1].

Деньги на коллекцию, видимо, были получены, поскольку благодаря этой поездке коллекции МАЭ пополнились еще одним собранием, состоящим более чем из 70 предметов (МАЭ, колл. № 5000). Однако экспедиция эта стала для нее трагичной. Дыренкова заболела красной волчанкой (System Lupus Erythematosis) — тяжелейшим поражением кожи, вызванным солнечными ожогами, от которого так и не смогла излечиться до конца дней [СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 271. Л. 99, 105].

С 1 января по 3 мая 1936 г. Надежда Петровна была командирована в районы Хакасской АО [СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 105. Л. 3 об.; Ед. хр. 271. Л. 87]. Основным материалом, собранный в этой экспедиции, составили записи эпических сказаний, преданий, сказок, песен, загадок. Именно работа с фольклором дала возможность Надежде Петровне углубиться в изучение хакасского языка, что и нашло воплощение в созданной ею грамматике, опубликованной, к сожалению, уже после смерти автора [Дыренкова 1948].

В этом же году Дыренкова посетила и селения кумандинцев. Здесь, в селах Кубия Солтонского района, Сарыково и Нарлык Старобардинского района Алтайского края, она записала свыше 70 нарративных текстов различных фольклорных жанров, в том числе обрядовые тексты, песни, загадки, пословицы. Частично этот материал уже после смерти исследовательницы был опубликован в «Советском фольклоре» — статья «Кумандинские песни “таарақ”» [Дыренкова 1941b].

В связи с подготовкой к изданию четырехтомника «Народы Сибири» Н.П. Дыренкова в 1938–1939 гг. почти на шесть месяцев (с 25 декабря 1938 г. по 10 июня 1939 г.) выехала в экспедицию на Алтай и в Хакасию. Экспедиционный маршрут пролегал через Томск, Барнаул, Минусинск и Абакан [СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 271]. Целью экспедиции, по всей видимости, был сбор дополнительного материала, касающегося не вполне

освещенных в этнографии сторон традиционной культуры и современного положения народов этих регионов. Однако, не изменяя своим интересам, и в этом «поле» Надежда Петровна значительное время уделяет записям различных фольклорных текстов и изучению традиционного мировоззрения.

О других экспедициях Н.П. Дыренковой можно судить по привезенным ею материалам и немногим дополнительным источникам. Например, у чулымских тюрков Тегульдетского района Западно-Сибирского края (сейчас — Тегульдетский район Томской обл.) Дыренкова побывала, видимо, несколько раз в 1932–1936 гг. Здесь на чулымском языке она записала несколько различных по жанровым характеристикам сказок, а также легенд и рассказов. Вместе с тем она собирала и лингвистические материалы. Готовясь к очередной экспедиции к чулымцам, Надежда Петровна пишет письмо Г.Ф. Дебецу^{xxix}, в котором просит рассказать о его пребывании у этого народа в 1937 г. На эту просьбу Георгий Францевич ответил довольно обстоятельным письмом и не только привел возможные способы, как добраться до мест проживания чулымцев, но и дал подробные сведения о местах их проживания с указанием численности каждой из деревень, а также приложил карту своего экспедиционного маршрута 1937 г. [АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 251]. Эти сведения были нужны Н.П. Дыренковой, поскольку она собиралась отыскать чулымцев на севере Хакасии и предполагала, что именно там и работал Г.Ф. Дебец. Однако, как выяснилось, он сосредоточил свое внимание на территории под Ачинском и поэтому сориентировал исследовательницу именно в этот район. Здесь он обнаружил интересные сведения, связанные с этническим самоназванием чулымцев. Вот что он пишет:

Сами себя чулымцы называют «*татэр-кижи*»; в верхних деревнях — «*татэр-кызы*». Вообще фонетические и словарные различия есть. Перепись 1926 г. зарегистрировала их под именем хакасов в Красноярском крае и под именем карагас (!) в Западно-Сибирском

[АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 251. Л. 2 об.].

Судя по архивным документам, хранящимся в МАЭ РАН, скорее всего, Дыренкова у чулымцев все же не была. В 1936 г. состоялась ее экспедиция к телеутам и кумандинцам в Беловский и Старо-Бардинский районы Западно-Сибирского края, где она записала легенды о духах «эмэгэндэрах», опубликованные в статье «Отражение борьбы материнского и отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев» [Дыренкова 1936]. В 1940 г. Надежда Петровна, видимо, планировала экспедицию к камасинцам. По этому поводу она пишет письмо Б.О. Долгих^{xxx}, который в ответе от 20 апреля 1941 г. указывает маршрут проезда к камасинцам и чулымским тюркам [АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 252]. Однако эта экспедиция не состоялась.

Несмотря на все сложности со здоровьем и огромный объем работы, Надежда Петровна в 1940 г. по поручению коллегии Народного комиссариата РСФСР выезжает в Горный Алтай для проверки и оказания помощи в работе алтайских школ и отделов народного образования. Это была ее последняя поездка в Сибирь. В Архиве МАЭ сохранился отчет об этой поездке, датированный 17 января 1941 г. [АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 194]. Во время пребывания на Алтае Дыренкова приняла участие в работе Первой областной языковедческой конференции, которая проходила в Ойрот-Туре с 24 по 28 декабря 1940 г. На конференции обсуждались разные вопросы состояния ойротского языка. Было даже сделано предложение внести изменения в алфавит, заменив, например, ё → ö, ю → ü. Однако Обком

счел нужным вопрос о внесении ряда изменений в алфавит отложить ввиду необходимости более глубокого и детального изучения

[АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 194. Л. 12].

Основной задачей этой поездки было обследование преподавания родного языка в школах Ойротии. С этой целью Н.П. Дыренкова посещает улусы Чойского и Турачакского аймаков — территории проживания северных алтайцев: челканцев, тубаларов и кумандинцев. Наблюдая очень сложное положение школьного дела, Надежда Петровна в своем отчете дала точную характеристику сложившейся языковой ситуации на Алтае:

В Ойротск[ой] авт[ономной] области имеются аймаки, напр[имер] Онгудайский, Усть-Канский, Усть-Коксинский, Улаганский и др., населенные почти исключительно или преимущественно ойротами. В этих аймаках почти все школы национальные. За единичными исключениями учащиеся — ойроты, например в Улаганском аймаке все школы ойротские, русских классов всего 6. Язык населения этих аймаков близок к литературному ойротскому языку; язык населения Усть-Канского, Онгудайского и Шебалинского аймаков лег в основу литературного языка.

Иную картину мы имеем в северных аймаках, смешанных по своему национальному составу. Такими аймаками являются Чойский и Турачакский аймаки. Язык ойротов этих аймаков имеет отдельные, иногда довольно значительные, отклонения от литературного ойротского языка. Из ответов учеников на уроках, из просмотра их тетрадей явствует, что учащиеся в отдельных случаях пишут и отвечают так, как они говорят дома. Преподаватель языка должен все время обращать внимание на речь учащихся. Иногда между учащимися и учителем возникают дискуссии. Это положение усугубляется еще тем, что литературный язык находится в процессе сложения. <...> По сообщению зав. аймоно Турачакского аймака, учащиеся часто с трудом понимают преподавателя и «язык учебника и говорят, что учитель их неправильно учит».

Однако в Чойском аймаке пришлось наблюдать случаи быстрого усвоения учащимися литературного ойротского языка. <...> Таким образом, думается, дело не в непонимании учащимися литературного языка, языка учебника и языка преподавателя, а в правильной постановке преподавания родного языка (чтение художественной литературы, пересказ, изложение, сочинение и т.д.)

[АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 194. Л. 7–8].

Далее в своем отчете Н.П. Дыренкова обращает внимание на проблемы, которые стоят перед учителем и классом, поскольку значительное количество североалтайских школ было смешанным по этническому составу, что создавало колоссальную нагрузку на преподавателя. Эта работа Надежды Петровны имела исключительно важное значение для дальнейшего улучшения образовательной политики в регионе, которое происходило уже во второй половине XX в.

Надежда Петровна Дыренкова провела в экспедициях значительную часть своей жизни. Ее «полем» стала территория Южной Сибири, а круг изучаемых народов охватил почти все тюркоязычное население этого региона. Полевой материал, собираемый Дыренковой на протяжении 17 лет, неизменно являлся фундаментом ее научных исследований. Постоянно обогащая его серьезным анализом этнографической и языковедческой литературы, Дыренкова стала одним из ведущих тюркологов мира. Именно ее перу принадлежит самая содержательная страница в истории изучения культуры тюркских народов Южной Сибири.

* * *

В 1930–1940-е гг. культурное развитие национальных районов и автономий Сибири переживало свой расцвет. В эти годы для бесписьменных в прошлом народов создавалась письменность, новый алфавит на кириллической графике, словари, грамматики, буквари, книги для чтения и т.д. Вопросы языкового строительства, разработка образовательных программ для нерусских школ независимо от численности народностей являлись в то время заботой советских правительственных и научных учреждений, многих ученых-языковедов и этнографов.

Н.П. Дыренкова как признанный специалист в области истории, культуры, языка и фольклора тюркских народов Сибири была привлечена к этой работе. Она активно участвует в работе Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита при Совете национальностей ЦИК СССР (ВЦК НА) [СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 271. Л. 61, 91]. Рецензируя одну из работ Ф. Чиспиякова по шорскому языкознанию 1932 г. издания, Н.П. Дыренкова четко формулирует круг проблем, остро стоявших при создании шорского алфавита и грамматики:

Шорская орфография не имеет еще строго определенных установок, так что принцип фонетичности, как представляющий наименьшее затруднение для создания системы правописания, в ней доминирует. Отсюда вытекает и неустойчивость системы правописания. Вопрос создания и развития шорской письменности — это проблема очень важная и сложная, и потому здесь предстоит еще большая углубленная работа, успех которой обеспечен

[Дыренкова 1933: 227].

В 1935 г. ВЦК НА проводит на Алтае краевую языковедческую конференцию с участием представителей народов Западной Сибири. На ней Н.П. Дыренкова представляет «Граматику шорского языка» [Дыренкова 1941a], в обсуждении которой участвовали и шорцы. В этом же году тюрко-татарский сектор ВЦК НА просит ее вынести заключения и сделать замечания к алфавитам хакасского, шорского и алтайского языков. В качестве представителя Народного комиссариата просвещения по нерусским школам Н.П. Дыренкова проводит научно-педагогическую конференцию, где обсуждается проблема выработки литературного алтайского языка. Вскоре она подготавливает к изданию «Граматику ойротского языка» [Дыренкова 1940a].

Не менее важным в те годы был спор о графике создаваемой для народов Сибири письменности. Предложенная в 20-х гг. латиница оказалась неудачным экспериментом: она делала недоступными и чтение, и обучение письменному языку коренного населения Сибири, так как зарождающаяся местная интеллигенция, привлекаемая к педагогической работе, знала русский язык и писала на кириллице. Это в значительной степени облегчало и обучение, и перевод русской литературы на национальные языки. Однако, помимо этого, были и чисто лингвистические проблемы. Дискуссии в среде языковедов о достоинствах и недостатках той и другой графики, продолжавшиеся достаточно долго, завершившись в 1941 г. окончательным переходом на кириллическую графику. Н.П. Дыренкова принимала активное участие в обсуждении этого вопроса. Уже в самом начале дискуссии, в 1935 г., она указывала на неполноценность латиницы для передачи фонетического строя тюркских языков и необходимость перехода на кириллицу [АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 245]. К сожалению, учебник шорского языка Ф. Чиспиякова (1933) и оригинальные тексты в «Шорском фольклоре» Н.П. Дыренковой (1940) вышли в свет на латинице. Однако спустя год «Грамматика шорского языка» Н.П. Дыренковой издается уже на кириллическом письме.

В 2011 г. «Грамматике шорского языка» Н.П. Дыренковой исполнилось 60 лет, и тем не менее она не утратила своего значения. Наоборот, с течением времени эта книга становится для тюркологов все более ценным

источником. Она отражает состояние шорского языка в первой трети прошлого столетия, когда массированное влияние русского языка и процессы ассимиляции только начинали оказывать свое воздействие на его развитие. Поэтому работа Дыренковой — не только единственная по сей день научная грамматика, без использования которой не обходится ни одна научная работа по шорскому языку и шире — по южносибирским тюркским языкам и общей тюркологии, но и исторический источник.

Грамматика написана традиционным для того времени дескриптивным методом: в ней дается лингвистическое описание фонетики и орфографии, морфологии и синтаксиса шорского языка. Основное внимание в ней уделяется морфологии: из 300 страниц общего объема грамматики ей посвящены 225. Каждое положение грамматики подтверждается многочисленными примерами, даны парадигмы всех описываемых грамматических категорий. Грамматика написана на богатом языковом материале, собранном автором во время экспедиций в 20–30-е гг. XX в. Этот материал щедро используется Надеждой Петровной в качестве иллюстраций ко всем описываемым языковым явлениям.

Будучи прекрасным знатоком локальных вариантов шорского языка, автор уделяет особое внимание его диалектному многообразию, что является отдельной и очень важной заслугой Н.П. Дыренковой и за что лингвисты благодарны ей по сей день. Дело в том, что эта грамматика создавалась в период активного языкового строительства в стране в целом. В этом процессе активное участие принимала и Надежда Петровна. Важно, что весь языковой материал в грамматике дается в современной на тот момент кириллической орфографии. Это делало ее доступной не только узкому кругу специалистов, но и учителям шорского языка, и студентам, и учащимся. Для становления литературной нормы важно было описать опорный диалект шорского языка — мрасский. Однако Дыренкова описывает формы, встречающиеся во всех локальных вариантах шорского языка — диалектах и говорах. Эти данные часто восполняют промежуточные ступени развития той или иной грамматической формы и помогают понять пути развития шорского языка.

Приведем только один пример. В шорском языке имеется форма настоящего времени *-ча*; в мрасском диалекте, являющемся литературной нормой, *пар-ча-м* означает ‘я иду’, где *пар-* — это основа глагола ‘идти’, *-ча* — аффикс настоящего времени, *-м* — показатель первого лица единственного числа. Однако в кондомском диалекте мы находим форму *пар-чад-ым* — ‘я иду’, которая однозначно показывает, что аффикс настоящего времени *-ча* литературного языка стянулся из *-чат*, который восходит к вспомогательному глаголу *чат-* — ‘лежать’. Стяженная литературная форма не указывает так наглядно на прототип современной шорской формы настоящего времени, поэтому так важно иметь и данные диалектов,

которые часто консервируют в себе более древние стадии развития языка. Примеры можно продолжать бесконечно.

Хотя синтаксису уделено не так много места, тем не менее важно, что этот раздел все же присутствует. Многие грамматики тюркских языков того времени часто ограничивались описанием только морфологии, что, конечно, тоже понятно, поскольку тюркские языки, являясь агглютинативными, имеют очень прозрачную морфологическую структуру. Надежда Петровна дала первичное описание основных компонентов предложения и основных семантических типов сложных предложений шорского языка. Дано в «Грамматике» и описание способов передачи чужой речи — проблема, которая до сих пор остается актуальной для общей тюркологии. Необходимо также подчеркнуть, что до настоящего времени не существует иного целостного описания синтаксиса шорского языка.

Параллельно с созданием грамматики шорского языка Надежда Петровна Дыренкова работает над грамматикой ойротского (алтайского) языка. Однако в отличие от шорской грамматики, описывающей практически неисследованный на тот момент язык, при написании ойротской грамматики она могла опереться на своих великих предшественников. Это прежде всего протоиерей Алтайской духовной миссии В.И. Вербицкий — автор «Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка» (1884) — и члены Алтайской духовной миссии, создавшие «Грамматику алтайского языка» (1869).

В то время как словарь Василия Вербицкого дает формы практически всех более или менее крупных тюркоязычных наречий Алтая и сопредельных регионов, «Грамматика алтайского языка» описывает в первую очередь телеутский язык, который использовался алтайскими миссионерами как опорный при переводах миссионерской литературы и написании учебных пособий для алтайского населения. Однако он не получил широкого распространения и не мог утвердиться как основа литературного языка на Горном Алтае.

В середине 30-х гг. в связи с образованием Ойротской автономной области остро встал вопрос о базе для литературного алтайского языка. В качестве основы для выработки литературных норм для алтайского языка на сей раз были выбраны диалекты южных алтайцев, на которых говорила наиболее многочисленная группа алтайцев, в первую очередь диалект алтай-кижи. Ойротская грамматика Дыренковой описывает именно эту языковую разновидность.

Ойротская грамматика написана по общей с «Грамматикой шорского языка» схеме. Автор последовательно описывает все основные языковые системы: фонетику и орфографию, словообразование, морфологию и синтаксис. Все теоретические положения иллюстрируются богатым языковым материалом, собранным автором во время экспедиционных поездок.

С «Грамматикой шорского языка» ойротскую грамматику объединяет и то, что в ней также приводятся не только формы южных диалектов, но и данные других наречий Алтая. Надежда Петровна использует современную в то время научную парадигму дескриптивной лингвистики, которой она прекрасно владела.

Значение грамматики Н.П. Дыренковой как для общей тюркологии, так и для развития письменности в Республике Алтай трудно переоценить. Она стала основой для создания учебных пособий по алтайскому языку, разработки языковых курсов. Во введении к «Очерку грамматики ойротского языка», являющемся приложением к Ойротско-русскому словарю (М., 1947), Н.А. Баскаков называет труд Н.П. Дыренковой «капитальной грамматикой алтайского языка». С этой оценкой можно только согласиться. Следует также отметить, что это единственная академическая грамматика алтайского языка по сегодняшний день.

Учитывая то, что Надежда Петровна не была по своему образованию языковедом, можно только удивляться тому, насколько глубоко она вникла в структуру шорского и алтайского языков, дав высоконаучное их описание. Думается, что ее по праву можно назвать одним из самых выдающихся российских лингвистов-тюркологов первой половины XX столетия.

Наряду с ее вкладом в развитие шорского и алтайского языкознания столь же велика ее роль в становлении языкознания хакасского. В 1937 г. по поручению Народного комиссариата просвещения она рецензирует программу неполной средней школы по хакасскому языку, а к 1939 г. создает и отправляет в Хакасский филиал ОГИЗа учебник хакасского языка. В этом же году 23 октября Хакасский обком ВКП(б) и Хакасское областное государственное издательство приглашают Н.П. Дыренкову на обсуждение хакасской грамматики [СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 271. Л. 59, 60]. Но работы по ее подготовке было так много, что Надежда Петровна была вынуждена отказаться от этой поездки. Видимо, именно в связи с работой над хакасской грамматикой с 29 августа по 2 сентября 1939 г. она находилась в командировке в Москве, в Институте языка и письменности народов СССР [СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 271. Л. 68].

11 апреля 1941 г. Институт языка и письменности народов СССР включает в свой издательский план «Граматику хакасского языка» Н.П. Дыренковой. Издание ее было прервано войной. Только в 1948 г. в Абакане будет издана «Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология» с предисловием Н.А. Баскакова^{xxxi} [Дыренкова 1948].

Однако этими тремя томами грамматик вклад Н.П. Дыренковой в тюркологию не ограничился. В период с 1935 по 1940 г. она пишет грамматический очерк тофаларского языка, который был опубликован после смерти исследовательницы [Дыренкова 1963]. Это была не развернутая грамматика, а небольшая статья, раскрывающая основные аспекты тофаларского

языка, которая сопровождалась кратким описанием традиционной культуры этого народа.

Надежда Петровна Дыренкова была не единственным сотрудником отдела этнографии Сибири МАЭ, который внес огромный вклад в сохранение языков народов Сибири и развитие письменности. С ней работали такие замечательные исследователи, как Георгий Николаевич Прокофьев, Екатерина Дмитриевна Прокофьева, Глафира Макарьевна Василевич, Григорий Давыдович Вербов. Именно им принадлежит создание первых словарей, грамматик, букварей и книг для чтения по самодийским и тунгусо-маньчжурским языкам. Следует еще раз подчеркнуть, что великолепное знание языков изучаемых народов было характерной особенностью ленинградской школы этнографии, создавшей славу отечественной науке.

Не менее весомый вклад в развитие тюркологии, а главное — в сохранение устного народного творчества народов Сибири внес фундаментальный труд Надежды Петровны Дыренковой «Шорский фольклор» (1940), который она готовила к 10-летию со дня образования Горно-Шорского района. Это было первое издание комплекса различных по жанру фольклорных текстов шорцев, представляющих широкое полотно одного из основных видов традиционного народного искусства, раскрывающее специфику всей художественно-образной системы мышления народа, языковую картину мира и характер устной литературной традиции. В книге были опубликованы эпические сказания, легенды, сказки, охотничьи рассказы, поговорки и загадки, а также песни, собранные в Горной Шории в период с 1925 по 1932 г. До этого фольклор шорцев был представлен лишь фрагментарно в «Образцах народной литературы тюркских племен», изданных В.В. Радловым, и в работах миссионера В.И. Вербицкого.

Подготовка к изданию книги была трудной, шли обсуждения, в которых отмечались ее сильные и слабые стороны, писались рецензии. С рукописью ознакомились Д.К. Зеленин, М.К. Азадовский, Н.Н. Поппе, И.И. Мещанинов [СПб. ФА РАН. Ф. 969. Оп. 1. Ед. хр. 353. Л. 1].

Большую помощь в работе над «Шорским фольклором» Дыренковой оказал С.Е. Малов, который взял на себя труд по проверке текстов и их переводов [ЛАД]. В одном из своих отзывов он отмечает:

Я решаюсь утверждать, что во всей Шории нет собранного в таком количестве материала, как это имеется в настоящее время у Н.П. Дыренковой [ЛАД].

Значительный вклад в подготовку рукописи к изданию внес В.Г. Богораз. В своем отзыве он пишет:

Мы просмотрели с нею в выборочном порядке несколько текстов, и я сделал ряд указаний. В дальнейшем Дыренкова согласна в спешном по-

рядке еще раз пересмотреть стиль перевода, я возьму на себя наблюдение за этой работой

[СПб. ФА РАН. Ф. 250. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 2].

В.Г. Богораз сделал и ценное замечание в отношении предисловия к «Шорскому фольклору», которое Дыренкова учла при издании книги:

...я указал Дыренковой, что ее анализ надо четко разделить на две части. Первая часть относится к охотничьим рассказам и легендам, вторая — к героическому эпосу более поздней эпохи. Взаимоотношения этих обеих частей не ясны, но все же необходимо указать на их одновременное существование

[СПб. ФА РАН. Ф. 250. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 2].

Но в то же время Владимир Германович по достоинству оценил тот анализ шорского фольклора, которым Надежда Петровна предварила публикацию самих текстов:

Предисловие, написанное Дыренковой в размере трех печатных листов, считаю весьма значительным. Правда, оно содержит скорее анализ шорского социального строя на основании материалов, почерпнутых из фольклора, однако оно содержит и материалы, относящиеся к анализу самого фольклора. На данной стадии развития науки о фольклоре как в СССР, так и за границей я не вижу возможности сделать больше, в особенности для молодого работника, при неразработанности теории и скудости методологических и методических указаний

[СПб. ФА РАН. Ф. 250. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 2].

Удостоилась эта книга и такой огромной по тем временам чести, как быть просмотренной А.М. Горьким. Судя по документам из личного архива Н.П. Дыренковой, он внимательно ознакомился с ее переводом шорского богатырского сказания «Алтын Картыга» и внес в него некоторые исправления, а также сделал ряд указаний по литературной обработке переводов других фольклорных материалов^{xxxii}.

После всех долгих обсуждений спустя 5 лет, в 1940 г., «Шорский фольклор» увидел свет. Эта работа, несмотря на критические отзывы при ее подготовке и позднее, стала классическим образцом издания фольклорных текстов.

Книга представляет собой двуязычное издание: на шорском и русском языках. Во введении к изданию Н.П. Дыренкова довольно четко обрисовала свое видение исторического развития шорского фольклора и создала его типологию, которая выглядела следующим образом:

— **сказки** «бытового и фантастического содержания», которые в разных местностях Горной Шории носят различное название: *şörček* (на

р. Кондома), *nybaq* ~ *nyβaq* (на рр. Томи и Мрассу), *nartraq* (в верховьях р. Мрассу);

— **небольшие рассказы и легенды** — *purunyu čooq, kep čooq, erbek, tīlas*. «По внешнему строю это прозаические рассказы, небольшие по размеру, не имеющие ни определенного начала, ни трафаретной концовки». Сюда могут быть отнесены как бытовые рассказы, так и мифы. «Особо могут быть выделены рассказы и сказки смешного содержания, называемые *qatqylyg*. Они рассказываются обычно мужчинами на промысле»; поговорки — *kep sös, taqraq sös, ülger sös*;

— **загадки** — *tartyrčañ nybaqtary, tapčañ nybaq, tapčañ nartraq, taptyryyš, nybayaštar, taqraq, tapčañu*;

— **эпос** («эпические богатырские поэмы») — *qaj*;

— **песни** («слагаемые на различные случаи жизни») — *saryn* [Дыренкова 1940b: IX–XI].

В книге фольклорный материал расположен в следующем порядке: песни о Ленине и Сталине, героические поэмы, сказки, рассказы и легенды, поговорки, загадки, песни.

Предложенная Н.П. Дыренковой типология жанров устного народного творчества в своей основе сохраняется в отечественной фольклористике до настоящего времени, за последние 60 лет в нее вносились лишь дополнения и уточнения.

При обсуждении «Шорского фольклора» наиболее остро встал вопрос о принципе перевода текстов на русский язык. М.А. Азадовский стоял на позиции подстрочного перевода, В.Г. Богораз отстаивал его литературную обработку, отмечая:

Я считаю, что русский язык настолько гибок, что можно согласовать обе задачи: точную (но не дословную) передачу текста и вполне удовлетворительный стиль

[СПб. ФА РАН. Ф. 250. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 1].

Позиция В.Г. Богораз представляется более правильной. Определенная литературная обработка делает тексты, особенно эпические, более понятными широкому кругу читателей и легкими для восприятия, а подробные комментарии к такому переводу дают возможность оценить художественно-образный строй языка оригинала. Надежда Петровна блестяще справилась с этой задачей. Она переводила тексты, привлекая знатоков шорского языка к их расшифровке и комментариям. В ее черновых записях содержатся прямые указания на консультантов-шорцев. Это были в первую очередь сами сказители — хранители шорской устной литературной традиции. При этом она использовала и всю опубликованную к тому времени литературу.

Как результат — ее переводы явились образцом точности при передаче эпического текста. Они были максимально приближены к оригиналу в плане порядка слов в предложении, грамматических форм и лексики, но в то же время имели определенную литературную «окраску». Такой перевод можно охарактеризовать как научный, но ни в коей мере не подстрочный. Он требовал не только великолепного знания шорского языка, но и внутреннего ощущения его структуры, формы и ритма. Переводы Дыренковой как нельзя лучше передают закономерности шорского (и шире — тюркского) эпического творчества — лаконичность художественных средств и предельно ясную композицию. Ее переводы эпических текстов четко сохраняют особенности художественно-образного строя оригинала, они не пестрят разнообразием эпитетов, а несут в себе простые, ясно воспринимаемые образы, в которых, тем не менее, отражается безмерная широта мировосприятия их создателей, характерная для всего эпоса скотоводов евразийских степей. Эту особенность шорских эпических произведений удивительно тонко почувствовала Надежда Петровна. Она первая отметила поразительное сходство, доходящее иногда до полного тождества, шорских сказаний «с героическим эпосом других алтайских и енисейских тюрков», тем самым открыв новое направление в эпосоведении [Дыренкова 1940b: XXVIII].

Обращаясь в целом к переводческому творчеству Н.П. Дыренковой, можно заметить и определенное развитие ее метода. По ее экспедиционным материалам хорошо прослеживается, как ее знания шорского языка углублялись и перевод «в поле» становился для нее все менее необходимым. На начальных этапах работы она вставляла в шорский текст комментарии к отдельным словам и фразам: это могли быть различные варианты эпических формул (лексические, грамматические, стилистические), синонимичные выражения, объяснения идиоматических выражений, фразеологизмов, однокоренные слова для лучшего понимания семантического развития того или иного гнезда слов. Позже это было для нее все менее необходимо.

Различаются ее переводы эпических сказаний и переводы примеров на шорском языке, которые она использовала в своих этнологических статьях. В последних она давала литературный перевод, который мог значительно отходить от шорского оригинала по своему лексическому составу и структуре. Это делалось для того, чтобы как можно точнее донести содержание того или иного выражения или словосочетания до русскоязычного читателя. Но и в этом случае смысл шорского текста передавался адекватно.

«Шорский фольклор», изданный Надеждой Петровной Дыренковой, был высоко оценен современниками. Известный собиратель и знаток фольклора сибирских народов А.М. Смердов в своем отзыве на книгу,

высказав несколько справедливых замечаний, касающихся чрезмерного обилия в предисловии цитируемых источников и отсутствия сведений об основных сказителях, от которых Дыренкова записывала фольклорные тексты, писал:

В лице Н.П. Дыренковой счастливо сочетается фольклорист, любовно и со вкусом относящийся к художественной ткани всякого фольклорного произведения, с ученым-этнографом, объективно и внимательно изучающим исторические, социальные, бытовые условия, в которых рождается фольклор [Смердов 1941: 130].

Вместе с «Шорским фольклором» Н.П. Дыренкова готовила к изданию и другие тексты, которые не вошли в эту книгу. Так, ею был подготовлен к печати для «Ученых записок» ЛГУ по этнографии текст шорской героической сказки «Каткан-Чула, имеющий старшую сестру Алтын-Коок», которую опубликовал спустя многие годы Д.А. Функ [Дыренкова 1999]. В этих же записках должна была быть опубликована статья Н.П. Дыренковой «Другой вариант записанной В.В. Радловым у шорцев сказки “Кан Перген”» [СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 271. Л. 14–15]. Судя по письму к В.Г. Богоразу от 3 июня 1935 г., Надежда Петровна подготовила к печати еще и эпическую богатырскую поэму «Алтын Кымыш» [СПб. ФА РАН. Ф. 250. Оп. 4. Ед. хр. 112. Л. 2].

Н.П. Дыренкова планировала подготовить к изданию еще один том, который должен был быть посвящен «героическому эпосу и сказителям — кайчи». Однако осуществить свой замысел она, к сожалению, не успела.

Грамматики шорского, алтайского, хакасского языков и «Шорский фольклор» явились не только наиболее крупными работами Н.П. Дыренковой, но и самыми фундаментальными исследованиями в области тюркского языкознания и фольклористики предвоенного времени.

Почти параллельно с «Шорским фольклором» выходит в свет работа замечательного исследователя и коллеги Надежды Петровны Андрея Александровича Попова «Долганский фольклор» (1937), а несколько позднее он подготавливает к публикации тексты шаманских камланий с подробным описанием обрядовых действий. Но эта его работа была опубликована только в 2009 г. Таким образом, в исследованиях сотрудников отдела Сибири МАЭ сочетались языкознание, фольклористика и этнография, что дало возможность сохранить для будущих поколений огромный пласт традиционной культуры народов Сибирского региона.

Однако первые публикации Надежды Петровны относятся к теме социальных отношений и систем родства. По материалам экспедиций 1924–1925 гг. она пишет сразу две статьи — «Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут» и «Родство и психические запреты у шорцев» (1926). Как уже говорилось, Л.Я. Штернберг, который

сориентировал свою ученицу на изучение этой проблемы, дал очень высокую оценку ее первым публикациям.

Действительно, молодой исследовательнице удалось достаточно полно раскрыть картину межродовых и семейно-брачных отношений этих народов. Она смогла собрать основную терминологию родства, по крайней мере, у алтайцев и телеутов, определить в ней классификационные термины, а главное — зафиксировать дифференциацию терминов по относительному возрасту, а также разницу в терминологии по линиям рода отца и рода матери. Однако Дыренкову более интересуют не столько системы родства и терминология, сколько сами отношения и правила поведения как между членами внутри семьи, рода, так и между родами. Она выявляет обычаи левирата, сорората и особую роль брата матери во взаимоотношениях двух родов, состоящих в брачных связях. Ее интересуют различные виды родовой взаимопомощи, предпочтения определенных родов при выборе невесты, возрастные нормы брака, различные запреты в семейно-брачных отношениях. Ей удастся зафиксировать и столь странное явление, как сожитительство свекра с невесткой в случае малолетства ее мужа, явление необычное, если учесть те внешние жесткие нормы поведения, сопровождающиеся множеством запретов между этими двумя лицами в повседневной жизни. Факт этот не отмечался в этнографической литературе ни до, ни после Дыренковой.

В 1927 г. во втором выпуске сборника «Этнографические материалы» выходит новая статья Надежды Петровны «Брак, термины родства и психические запреты у киргизов», написанная на основе полевого материала, собранного в 1926 г. в Нарынском районе Семиреченской области. Эта работа во многом превосходит первые две публикации. Материал, представленный в этой статье, отражает всю номенклатуру родства, что делает его необычайно важным источником для изучения различных стадий развития общества. Здесь представлена терминология родства по линии отца и по линии матери, терминология свойства и родственных отношений внутри семьи, описаны обычаи левирата и сорората, выявлены классификационные термины, а также дифференциация терминов по относительному возрасту и многое другое.

Для кыргызской терминологии родства прежде всего характерно то, что в ней явственно сохранились черты классификационной системы. Целый ряд терминов применяется к целому классу лиц <...> Так, термин «Аке» применяется ко всем братьям отца, родным, двоюродным и т.д. (подробно термины даны в общей таблице родственных названий); термин «Еде» — к старшим сестрам, как родным, так и двоюродным, троюродным и т.д. по отцовской линии; «сінді» — к младшим сестрам всех степеней родства

[Дыренкова 1927а: 7].

Важным представляется то, что Н.П. Дыренкова тщательно проанализировала различия в терминологии родства по отцовской и материнской линиям.

Далее характерно, что наряду с классификационным характером терминологии в терминах родства по отцовской линии строго проводится дифференциация по старшинству лет. Так, в терминологии различаются классы сестер старше говорящего и сестер моложе говорящего, то же по отношению к братьям, дядьям и т.д. Наоборот, в материнском родстве дифференциация по старшинству лет совершенно отсутствует, но зато в нем строго соблюдается старшинство по поколениям, которое, в свою очередь, совершенно не принимается во внимание в отцовском родстве. Так, например, по отцовскому родству дядя, брат отца, если он по возрасту моложе племянника, называется последнего так же, как старшего брата или своего дядю, и обратно — сам носит название младшего брата. Дядя же по материнской линии имеет один только термин независимо от возраста

[Дыренкова 1927а: 7–8].

В этих выводах Дыренкова выявляет не только дифференциацию по относительному возрасту в терминологии родства по материнской линии, но и так называемые возрастные скосы в терминологии по отцовской линии родства. Так, она фиксирует, что один и тот же термин «*ини*» используется для обозначения «дяди по отцу моложе племянника, для младшего родного и двоюродного брата, для племянника — сына брата»; термин «*ава*» — «для дяди моложе отца, для старшего брата называющего лица, для племянника старше дяди по отцу»; термин «*еце*» — «для сестры отца, для старшей сестры, родной и двоюродной, называющего лица, для племянницы (старше дяди и тетки), для младшей жены отца (когда называют дети старшей жены)». Необычайно ценным представляется отмеченное Н.П. Дыренковой существование разных терминов для обозначения отца и матери, когда одни «употребляются при жизни бабки и деда, другие — после их смерти» [Дыренкова 1927а: 8]. В этой смене терминов отражен процесс социальной жизни архаического общества, т.е. естественная смена социальных поколений, когда со смертью бабки и деда поколение родителей переходит в их социальную категорию, а их место в структуре общества занимают дети, в свою очередь также меняя свой социальный статус [Мисюгин 1980b: 41].

Более того, Надежда Петровна подробно рассматривает все существующие в культуре киргизов нормы брака, подчеркивая предпочтительность матрилateralного кросскузенного брака, когда «сын сестры в первом же колене может жениться на дочери брата», в первом же колене могут жениться и дети двух сестер. Она отмечает также и все запреты в системе брачных взаимоотношений: сын брата не может жениться на дочери сестры,

недопустим одновременный брак двух родных братьев и двух родных сестер, но он возможен в том случае, если первым женится старший брат на старшей сестре, а затем младший — на младшей, исключен брак с мачехой и ее детьми, а также одновременный брак с женщиной и ее племянницей [Дыренкова 1927а: 13].

В статье представлена также вся совокупность норм поведения между родственниками и свойственниками: запреты по отношению к старшей и младшей родне как мужа, так и жены. В статье описаны нормы и формы заключения брака, свадебные обряды, традиции выбора имени для ребенка.

Статьи Н.П. Дыренковой по терминологии родства и семейно-брачным обычаям у тюркских народов не только содержат богатейший материал, дающий великолепную основу для дальнейшего изучения этого сегмента социальной жизни традиционных и архаических обществ, но и свидетельствуют о том, насколько тонко она чувствовала «ткань» социальных отношений, фактически раскрыв одну из важнейших функций рода, а именно — регулирование брачных связей.

К сожалению, работы Н.П. Дыренковой по системам родства алтайцев, телеутов, шорцев и особенно киргизов не были использованы в исследованиях этой темы, прорыв в изучении которой произошел в 70-х гг., когда удалось выявить тесную связь половозрастного деления общества с системой родственных отношений [Мисюгин 1980а: 24–37].

Однако столь блестяще начав изучение терминологии родства, Дыренкова в дальнейшем отходит от этой темы, погружаясь в изучение языков и духовной культуры тюрков Южной Сибири. Одной из причин этого явился намеченный ею в 1930 г. план аспирантских исследований, по которому предполагалось изучение «мировоззрения, религиозных представлений и форм культа у турецких охотничьих и скотоводческих племен», но нельзя исключать и ту политизацию, которая стала наполнять в советской науке исследования, посвященные изучению социальной организации традиционных обществ.

Особенно ярко она проявилась в работах группы московских этнографов, часть из которых не имела даже специального образования [Алымов 2006: 20]. Другой особенностью многих из них было отсутствие знания языков изучаемых народов. Эти кадры этнографов в основном были сосредоточены в новом Коммунистическом университете (1919), позднее вошедшем в Коммунистическую академию, а также в реорганизованном Московском университете. Вообще в 1920-е гг. в Москве было создано около 100 новых марксистских научных учреждений. Так, в 1925 г. при Комакадемии открылось Общество историков-марксистов, в котором была создана социологическая секция. В ее работе принимали участие многие московские этнографы и историки. В задачу секции входило «изучение

конкретных формаций, причем этнологи в результате изучения формаций должны заняться разработкой учения об отсталых народностях» [цит. по: Алымов 2006: 28].

Основные дискуссии, развернувшиеся на рубеже 20–30-х гг., главным образом в Москве, касались двух тем: 1) разработки теории социально-экономических формаций на основе работы Ф. Энгельса и марксистского подхода во всех общественных науках; 2) роли этнографии в системе общественных наук. Теория формаций и марксизм лежали в основе большинства научных исследований этого времени, при этом значительное внимание уделялось изучению формации «первобытного коммунизма».

Что же касается этнографии, то после долгих обсуждений в резолюции проходившего в Государственном академическом институте материальной культуры в 1932 г. археолого-этнографического совещания этнография была признана наукой, «находящейся на службе у исторического исследования», и в ее задачу входили только сбор полевого материала и его первичная обработка [цит. по: Алымов 2006: 87]. Основной упор во многих «этнографических» работах этого периода делался на раскрытие элементов классовой борьбы в традиционных обществах разных народов, и это провозглашалось как ведущее направление в этнографии. Так, в вышедшей в 1930 г. книге «Экономика кочевого аула Киргизии» (авторы П.В. Погорельский и В.С. Батраков) говорилось о вреде старых методов этнографического исследования культуры, которые отстают от действительности, потому что «своим объектом изучения они берут эпос, рассказы кочевников, отвлекаясь от окружающей социально-экономической обстановки», а задача состоит не в том, чтобы показать обычаи, а отразить их роль в современной социальной жизни [Алымов 2006: 109].

Становится понятным, что в сложившейся обстановке Н.П. Дыренкова не могла продолжать исследования систем родства и социальных отношений в том направлении, которое она выработала для себя в первых экспедициях. Более того, ее обращение в конце 1920-х гг. к изучению духовной культуры, в частности шаманства, на том «социологическом» фоне, который захлестнул этнографию, было необычайно смелым шагом. Справедливости ради необходимо подчеркнуть: эта волна мало коснулась большинства сотрудников отдела этнографии Сибири Института этнографии в Ленинграде (ныне — МАЭ), которые и в 30-е гг. продолжали работать в русле «старых» методов этнографических исследований. Однако большинство их работ не было опубликовано и осталось лежать в архиве — так время отомстило им за приверженность истинной науке. В 1942–1943 гг. в Москве была создана группа этнографов, приписанная ленинградскому Институту этнографии (ныне — МАЭ). Инициатива ее создания была инициирована главным образом и.о. директора института С.П. Толстовым.

В 1950 г. он подает в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) документ, в котором написал:

Дело в том, что до Отечественной войны находившийся в Ленинграде институт накануне войны пришел в состояние полного упадка и развала. В течение ряда лет коллектив занимался бесплодными схоластическими дискуссиями на тему «Что есть этнография?» Экспедиции полностью прекратились. Журнал «Советская этнография», потерявший всякое научное лицо, лишился подписчиков и перестал выходить. Кадры этнографов редели, подготовка новых кадров пришла в полный упадок

[цит. по: Алымов 2006: 87].

И это писалось о том периоде, когда только в отделе этнографии Сибири работали такие исследователи, как Н.П. Дыренкова, А.А. Попов, Г.Н. Прокофьев, Г.М. Василевич, Г.Д. Вербов, В.Н. Васильев, Е.Д. Прокофьева, Л.Э. Каруновская, А.Г. Данилин, С.В. Иванов, Н.К. Каргер, В.В. Антропова, Н.А. Липская, Л.П. Потапов, создавшие отечественную школу сибиреведения и внесшие огромный вклад в развитие этнографической науки в целом.

К теме социальных отношений Дыренкова возвращается только во второй половине 1930-х гг., но уже с позиций марксистской теории развития общественно-экономических формаций, которая полностью отсутствует в ее работах 20-х гг.

В 1936–1937 гг. она публикует сразу три статьи, посвященные проблемам материнского и отцовского родов: «Пережитки материнского рода у алтайских тюрков» (1936), «Отражение борьбы материнского и отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев» (1937) и «Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков» (1937). Все статьи основываются на теории эволюционного развития общества, безоговорочно принятой на вооружение многими советскими учеными уже в 20-х гг. и образовавшей ту «колею», выйти за пределы которой в то время было невозможно. Приняла ее и Н.П. Дыренкова, но с присущим ей профессионализмом провела блестящий анализ всего комплекса семейно-брачных отношений нескольких тюркских народов Южной Сибири.

Претензии, которые можно предъявить не столько собственно к ее анализу материала, сколько к этому периоду в истории отечественной этнографии, сводятся, пожалуй, к нескольким позициям. Это прежде всего принятое всеми историческими науками положение о едином пути социального развития человечества, о материнском роде как обязательной стадии этого процесса, о первобытном «коммунизме» и групповом браке, существовавшем на ранних стадиях развития общества. Все эти положения присутствуют в статьях Дыренковой, другого и не могло быть, но в то же время в ее статьях отчетливо прослеживается определенная осторожность

в использовании таких понятий, как «матриархат», «групповой брак» и т.п. Она предпочитает такие термины, как «матрилокальность брака», «матри-линейный счет родства», которые она использовала в статьях 20-х гг. и которые отражают реально существующие явления. Отмечая, например, в своей статье «Пережитки материнского рода у алтайских тюрков» на основании анализа классификационных терминов родства присутствие в культуре алтайских народов следов группового брака, Н.П. Дыренкова пишет:

Это различие в терминах было связано с определенными брачно-половыми нормами и запретами. Так, на жен своих старших братьев, родных и коллатеральных, на всю категорию женщин, которых он называл общим термином *negece*, *negeci*, *nēge*, *egeci*, *neje*, *jeje*, мужчина некогда имел право полового общения. Правда, право это осуществлялось при жизни братьев лишь в крайне редких случаях (кумандинцы, шолганы, южные шорцы). После смерти старших братьев мужчина у всех алтайских народностей имел возможность осуществлять свое право на их жен. Брак на женщинах этой категории считался не только дозволенным, но в отдельных случаях обязательным. С женами же младших братьев (*kelin*, *keldi*) запрещалось иметь половое общение и вступать в брак

[Дыренкова 1937: 41].

Таким образом, в данном разделе своей статьи, который так и называется — «Следы группового брака», Надежда Петровна фактически лишь постулирует согласно господствующей теории существование данного явления в далеком прошлом алтайских тюрков, но основное внимание сосредоточивает на рассмотрении современных норм брачных отношений. Этот прием характерен для всех ее работ 30-х гг., посвященных социальным отношениям, а точнее проблеме взаимодействия двух родов, связанных брачными узами (род матери и род отца). Эта проблема, по всей видимости, очень интересовала Дыренкову, о чем свидетельствует собранный ею колоссальный полевой материал, дополненный в статьях сведениями из литературных источников, а работа «Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков» включает и исследование музейных экспонатов. В статьях присутствует также лингвистический анализ тюркской терминологии и значительное количество фольклорных текстов, что в значительной степени расширяет общую картину социальных связей в традиционной культуре тюрков Южной Сибири.

Трудно обнаружить ту область семейно-брачных отношений, которая бы ни была рассмотрена в этом цикле ее статей. Н.П. Дыренковой подробно освещены такие обычаи, как авункулат, левират, сорорат, а также свадебные ритуалы, система запретов в общении свойственников («избегание»), роль женских духов-покровителей рожениц, положение детей.

Основная цель этих исследований сводилась к доказательству первичности материнского рода, его смены на определенном историческом этапе отцовским родом, и весь анализ материала логически был подчинен этой задаче.

Однако блестяще выстроенная исследователем система доказательств свидетельствует не столько о матриархате и тем более групповом браке, сколько о сложных взаимоотношениях двух ячеек социума — рода, из которого берут жен, и рода, в который берут жен. Тем самым Н.П. Дыренкова открыла механизм функционирования традиционного общества тюрков Южной Сибири, в котором основной функцией рода было регулирование брачных отношений.

В русле исследований этих отношений Надежда Петровна пишет статьи «Сватовство и свадьба у шорцев», «Несколько способов охранения ребенка у шорцев» и «Обычаи киргизов, связанные с рождением и воспитанием ребенка» по материалам, собранным ею в 1925–1927 гг. [АМАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 196. Л. 1–6; Ед. хр. 250. Л. 1–17; Ед. хр. 202. Л. 1–30]. Последняя статья является наиболее подробной. В ней автор описывает все родильные обряды: охранительные и очистительные, обрядовые действия в случае трудных родов, в первые дни после родов, при изготовлении колыбели и укладывании ребенка в колыбель. Рассматриваются поверья о злых духах, нормы поведения в домах, где имеются маленькие дети, изготовление первой одежды. Представляется особенно важным, что Дыренкова записала основную терминологию, связанную со всем комплексом обрядов и значительное число обрядовых текстов, причем запись сделана арабской графикой и кириллицей с русским переводом, так же как и текст колыбельной песни, приведенной в приложении. К сожалению, автор записей арабскими буквами неизвестен. Однако можно предположить, что термины, вставленные в машинописный текст статьи карандашом, скопированы с оригинала самой Надеждой Петровной. Эти записи свидетельствуют о том, какое большое значение Н.П. Дыренкова придавала терминологии и фольклору в записях на языке оригинала, прекрасно осознавая, что они являются не только иллюстрацией и углубленным подтверждением положений и выводов научного исследования, но и важнейшим источником для дальнейшего изучения языка, социальной и духовной культуры. Теперь же, когда процессы разрушения традиционной культуры, ассимиляции и частичной утраты языка охватили многие тюркские народы, ее работы стали бесценными.

В статье «Обычаи киргизов, связанные с рождением и воспитанием ребенка» как нельзя лучше проявляется удивительный дар Надежды Петровны, так необходимый этнографу, — дар вдумчивого и внимательного собеседника и наблюдателя, а также неутомимого исследователя. Только обладая такими качествами, можно было за один полевой сезон 1926 г. со-

брать такой большой материал по системам родства, по обрядам, связанным с рождением и воспитанием ребенка, семантике образов животных в мировоззрении киргизов.

Изучением социальной организации народов Сибирского региона занимались и коллеги Н.П. Дыренковой по отделу этнографии Сибири МАЭ. Прежде всего следует назвать работы А.А. Попова «Семейная жизнь у долган» (1948), «Нганасаны. Социальное устройство и верования» (увидела свет только в 1984 г.), а также статью Е.Д. Прокофьевой «К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия)» (опубликованную в 1952 г.), также отличающиеся великолепным знанием материала, значительная часть которого собрана в «поле» и потому уникальна.

Научное наследие Надежды Петровны Дыренковой по духовной культуре тюркских народов Южной Сибири столь велико, что осветить его полностью в одной статье не представляется возможным, для этого потребовалось бы написать отдельную книгу.

К изучению духовной культуры Н.П. Дыренкова обращается уже в первых своих экспедициях, и эта тема становится основной в ее исследованиях. По материалам экспедиций 1924–1925 гг. в «Сборнике МАЭ» выходит ее статья «Культ огня у алтайцев и телеутов» (1927). В небольшой по объему работе ей удастся всесторонне охарактеризовать это явление. Отмечая необычайно важную роль огня в идеологических представлениях этих народов, Надежда Петровна рассматривает такие существенные моменты этого культа, как образы духа-хозяина/хозяйки огня, легенды, объясняющие появление огня у человека, обряды, связанные с огнем в целом и особенно с домашним очагом, роль огня в обрядах жертвоприношения, различия в восприятии огня в верованиях шаманистов и бурханистов. Статья дополнена семью текстами обращения («молитвами») к огню на телеутском языке с русским переводом, сделанным автором, которые не только иллюстрируют все отмеченные Дыренковой особенности культа огня, но и являются ценным источником для дальнейшего изучения традиционного мировоззрения тюркских народов.

Фактически это первая статья в отечественной этнографии, где культ огня представлен во всей своей цельности. В этой статье ярко проявляется умение Н.П. Дыренковой логично выстроить материал, что возможно лишь при глубоком его осмыслении, и эти качества присущи всем ее работам.

Тема огня присутствует и в ее статье «Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири» (1929), в которой автор рассматривает два блока мифов и легенд, связанных с ролью этого образа в сюжетах о сотворении мира и получении огня человеком. Это, пожалуй, единственная работа Дыренковой, в которой ее собственный полевой материал практически отсутствует. Здесь она обобщает все существующие в литературе сведения о значении образа птицы в культуре широкого круга народов,

проводит анализ его развития во времени и приходит к выводу, определившему дальнейшее направление в изучении «птичьих» сюжетов в мифологии народов мира:

Первый комплекс мифов о мироздании широко охватывает весь евразийский фольклор и глубоко уходит в его прошлое. <...> Второй комплекс легенд о добывании огня, мало до сих пор отмеченный в фольклоре турецких племен, но не менее глубокий, широкий и древний, примыкает к циклу мифов о похищении и добывании огня сев.-вост. Азии, которые проф. В.Г. Богораз в своей работе “The folklore of north eastern Asia? As compared with that of western America”, в свою очередь, увязал с мифами сев.-зап. Америки и которые имеют параллели, начиная от мифов примитивных племен вплоть до греческого мифа о Прометее

[Рейнак 1919: 134–135].

Как было уже указано, мифы о птице-мироустроительнице и о птице-подательнице огня нами были отмечены лишь среди турецких племен Сибири. Насколько эти мифы могут считаться общетурецкими, покажет анализ фольклора южнотурецких племен, с одной стороны, и фольклора туркоязычного населения Поволжья — с другой

[Дыренкова 1929: 126].

Этими двумя работами Надежда Петровна Дыренкова начинает цикл статей по духовной культуре, в котором создает яркий и целостный образ традиционной картины мира тюркских народов Сибири. В 1930 г. в материалах XXIII Международного конгресса американистов выходит ее статья “Bear Worship among the Turkish Tribes of Siberia” («Култ медведя среди турецких племен Сибири»), в основу которой легли полевые материалы, собранные на Алтае и в Шории в 1925, 1927 гг. В эти же годы Дыренкова обращается к изучению значения и роли в идеологических представлениях народов Сибири образов оленя и коня, что получило воплощение в ее работе «Значение термина “*bura ~ puyra*” у алтайских турок (в связи с культом коня и оленя)», которая, к сожалению, не была опубликована.

Надежда Петровна первой в отечественной, да и в мировой этнографии приступает к изучению в совокупности трех ключевых образов космогонии и космологии народов Северной Азии — птицы, медведя и оленя/коня. На широком сравнительном материале она выявляет основные семантические поля этих образов и их роль в построении и развитии структуры единого архаического образа мироздания.

Эти три статьи Н.П. Дыренковой во многом способствовали становлению новой методологии и методики изучения явлений духовной культуры, которые в эти годы вырабатывались коллективом сотрудников отдела этнографии Сибири МАЭ и блестяще проявились в исследованиях ее коллег — А.А. Попова, Г.Н. Прокофьева, Е.Д. Прокофьевой, Г.М. Василевич,

Г.Д. Вербова и др. Они строились на комплексном анализе языка, фольклора и обрядовой практики, а главное — на глубоком погружении в культуру изучаемых народов.

Статья Надежды Петровны, посвященная культу медведя, представляет собой классический пример новой методики исследования. Она начинается с краткого, но очень емкого анализа предшествующих исследований этого культа в культурах Северной Азии и четкой постановки задачи своей работы — изучение данного явления в культуре тюркских народов Сибири. Большое значение здесь представляет описание обрядов, связанных с охотой на медведя, которые были зафиксированы автором в «поле» у алтайцев, тубаларов, теленгитов, шорцев, сагайцев и практически отсутствовали в этнографической литературе до данной публикации. Однако это не основное достоинство данной статьи. В своем исследовании Дыренкова подвергает всестороннему анализу широкий круг представлений тюркских народов Сибири об этом животном. Это обряды и обрядовые тексты, соотносящиеся с охотой на медведя, легенды, объясняющие его происхождение от человека, и поверья о женщине и медведе. Автор отмечает и космологические мифы, в которых медведь выступает индикатором подземного мира, животным его владыки — Эрлик-хана, образы сыновей которого сохраняют медвежьи черты. Проведенный анализ позволяет Надежде Петровне на новом материале выйти на проблемы этнической истории Южносибирского региона и подтвердить присутствие в этногенезе сибирских тюрков значительного самодийского и тунгусского пластов. Развивая в своей статье эту тему, она привлекает в дополнение к образу медведя и образ коня, проводя сравнительный анализ двух культов. Выводы, к которым приходит Н.П. Дыренкова, отличаются не только объективностью и в значительной степени новизной, но и удивительной утонченностью, возможной только при очень хорошем владении материалом.

Культовые домашние животные, особенно лошади, должны быть результатом волн иммиграции тюрко-монгольских скотоводов, которые принесли этот культ так же, как и одомашнивание животных из Средней Азии в Северо-Восточную Сибирь.

Если культ лошади встречается в большинстве областей, населенных тюркскими иммигрантами (якуты, алтайцы, уйгуры, киргизы и тюркские племена Туркестана), и если этот культ обычен во всех тюркских племенах, то культ медведя, который сохранился у сибирских тюрков, должен объясняться на основе других этнических элементов, которые восходят к более давним временам.

...Культовые лошади демонстрирует явную связь с культом высших небесных божеств, тогда как культ медведя связан с подземными духами и духами лесов и гор.

Так, мы видим, что в областях, населенных сибирскими тюрками, существуют зоны с густыми лесами, такие как области, где проживают карагазы, сойоты-тоджинцы, шорцы, сагайцы и белтиры, живущие у притоков Абакана и на Енисее.

У этих племен мы находим очень ярко выраженный культ медведя и менее отчетливый культ лошади. С другой стороны, культ лошади широко известен среди алтайских племен (кумандинцы, шолганы, алтай-кижи, теленгиты), и среди скотоводческих племен Минусинских степей, и, наконец, среди якутов, у которых оба культа бытуют в значительной степени. Они сохранили в своем новом и чужом окружении ясные формы обоих типов культа животных

[Dyrenkova 1930: 19–20].

Представленная на конгрессе американистов статья явилась лишь первой частью большого исследования Надежды Петровны. Вторая часть — «Значение термина “*bura ~ puɣra*” у алтайских тюрков (в связи с культом коня и оленя)», посвященная анализу этих образов в традиционном мировоззрении тюркских народов Саяно-Алтая, не была окончательно завершена и осталась в Архиве МАЭ в рукописи. Под словом «окончательно» подразумевается конспективность последних разделов статьи, отсутствие окончательных выводов, развернутых ссылок на литературу, сокращение одних слов и неразборчивое написание других. В целом же работа представляет собой хотя и небольшое по объему, но весьма значительное исследование. Текст статьи позволяет сделать предположение, что незавершенной она осталась потому, что Надежда Петровна в своем исследовании образов животных вышла на проблему роли лука и стрелы в шаманских обрядовых действиях, так как именно эта тема представлена в статье в виде кратких тезисов. Возможно, именно этот момент явился основанием для написания статьи «Лук и стрелы в культе, фольклоре и языке турецких народов Алтая и Минусинского края», где она подробно рассматривает семантику этого старинного оружия в идеологических представлениях и обрядовой практике южно-сибирских тюрков.

Возвращаясь к статье о культе коня и оленя, необходимо подчеркнуть, что в ней особенно наглядно проявляется талант Н.П. Дыренковой как лингвиста, фольклориста и этнографа. Опираясь в своем исследовании на языковой материал, мифы, легенды и главным образом шаманские обрядовые практики, ритуальный шаманский костюм и атрибуты, Дыренкова выявляет роль и значение этих образов в идеологии тюркских народов. Она раскрывает их значение в шаманистических представлениях, где они играют особенно важную роль, рассматривает истоки этих образов и причины замены образа оленя образом коня у скотоводов евразийских степей, привлекая для этого и археологический материал Па-

зырыкских курганов. В итоге эта статья вместе с двумя предыдущими создает цикл, который впервые в отечественной этнографии связывает в единое целое три основных зооморфных образа — оленя/коня, птицу и медведя, на которых основываются космогонические и космологические идеи народов Северной Азии, создавших сложный, удивительно причудливый, но тем не менее внутренне цельный и предельно логичный образ мироздания.

Знакомство с научным наследием Надежды Петровны Дыренковой, ее опубликованными работами и хранящимися в архиве, приводит к выводу, что уже с первых лет самостоятельных исследований она не ограничивалась каким-либо одним направлением, одной темой и, тем более, одним сюжетом. Она видела культуру как единое целое, как особую систему, в которой каждый элемент взаимосвязан со множеством других, обусловлен ими и сам обуславливает их существование. Возможно, именно поэтому Дыренкова почти одновременно ведет разработку сразу многих тем, раскрывая наиболее важные сферы духовной культуры тюркских народов Сибири.

В 1930 г. в «Сборнике МАЭ» выходит ее статья «Получение шаманского дара по воззрениям турецких племен», представленная к публикации 25 июля 1929 г. на заседании Президиума АН академиком Е.Ф. Карским. Хотя к анализу шаманских обрядов и шаманской мифологии Н.П. Дыренкова обращалась и в предыдущих работах, с этой публикации начинается серия ее статей, непосредственно посвященных исследованию различных сторон этого феномена. В своей первой статье по шаманству Дыренкова обобщает весь известный в то время сибирский материал по так называемой «шаманской болезни», с которой начинается становление шамана как посредника между людьми и духами, привлекая и свои полевые наблюдения. Она подробно рассматривает момент избранничества, но подходит к нему с более широких позиций, чем ее предшественники и учителя — Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз [Штернберг 1927; Богораз 1928]. Она вслед за ними выделяет две формы получения шаманского дара — пассивную и активную, но значительно более подробно рассматривает каждую из них, привлекая для сравнения материал из некоторых культур различных народов Америки, Австралии и Индонезии. Вывод, к которому приходит исследовательница, во многом определил дальнейшее изучение не только самого шаманства, но и широкого круга космологических представлений

Таким образом, подготовительный период шамана, момент получения шаманского дара, независимо от того, будет ли это пассивное или активное избранничество, рассматривается как переходный момент в жизни шамана. Человек, до этого момента совершенно обычный, становится отличным от

всех окружающих, получает особые силы. Эта полная перемена, по мнению примитивных племен, может произойти лишь в том случае, если совершенно изменится физическая сущность человека и его психическая природа. Отсюда возникает представление об истязаниях шамана духами, его физическом обновлении и воспитании его души — психическом перерождении, широко распространенное у многих народов на всем земном шаре
[Дыренкова 1930: 285].

Вслед за этой статьей Н.П. Дыренкова пишет еще семь работ: «Шаманство», «Бубен в турецко-монгольском шаманстве», «Телеутские бубны в коллекциях МАЭ», «Атрибуты шаманов у турецко-монгольских народов Сибири» (опубликована в настоящем сборнике), «Из шаманских верований у шорцев Кузнецкой тайги» (опубликована в настоящем сборнике), «Шаман и их роль у турецких племен», «Материалы по шаманству у телеутов». Из них лишь последняя была напечатана в «Сборнике МАЭ» в 1949 г. уже после смерти автора, и это несмотря на то, что все они представляли огромное значение для понимания и дальнейшего изучения не только такого сложного явления, как шаманство, но и широкого круга космологических представлений.

Статья под скромным названием «Материалы по шаманству телеутов» хотя и начинается с заявления автора, что она посвящается описанию двух шаманских бубнов, на самом деле содержит анализ таких явлений, как получение шаманского дара, посвящение шамана, технология изготовления первого бубна и колотушки, обрядовые действия, с ним связанные, описание образа духа-хозяина бубна. Однако уникальность этой работы состоит в том, что впервые была полностью раскрыта семантика бубна. Как уже говорилось, Надежда Петровна работала в улусе Чолухой Беловского района Новосибирской области, где А.В. Анохин в 1911 г. приобрел бубны от шамана Канакая и шаманки Пөдөк. Дыренкова встретила здесь с братом шамана и сыном шаманки, а также с пожилым телеутом, участвовавшим ранее в шаманских камланиях в качестве помощника шамана. Они сделали ей рисунки, наносимые на бубны, и с их слов Дыренкова не только записала семантику каждого образа и его функцию в системе шаманистических представлений, но и зафиксировала обряды и полные тексты камланий, связанные с изготовлением и «оживлением» нового бубна. В аннотации, сопровождающей статью, говорится:

Публикация по шаманству телеутов, собранных Н.П. Дыренковой в 1931 г., вызвана их большой ценностью для этнографии народов Сибири. Эти материалы являются уникальными, так как шаманство у телеутов в настоящее время исчезло. Они представляют большой интерес также для лингвистов и фольклористов

[Сборник МАЭ 1949: 105].

Публикуемая в настоящем сборнике статья Надежды Петровны Дыренковой «Атрибуты шаманов у турецко-монгольских народов Сибири» вызывает восхищение совершенно новым для своего времени методологическим подходом к анализу атрибутов шаманского культа. Даже сегодня, читая эту работу, к сожалению, малоизвестную научному сообществу, понимаешь, что не только по качеству собранного материала, но и прежде всего по глубине его осмысления она ни в чем не уступает самым последним исследованиям такого сложного явления, как шаманство. Впервые в статье Дыренковой шаманские атрибуты предстают не просто как предметы, сопровождающие ритуальные действия, а как материальное воплощение традиционной мировоззренческой системы широкого круга народов Сибири. Во второй половине XIX в. академик В.В. Радлов в своей статье «Шаманство и его культ» писал об изучении шаманства:

Это очень сложная задача, если иметь целью представить общую картину, ибо целое приходится воссоздавать на основе отрывочных и противоречивых сведений. Притом, исследуя шаманство, мы не можем опереться хотя бы на какое-то подобие письменных документов. Насколько же труднее поэтому составить общую картину в данном случае, если так трудно, например, соединить в одно целое дошедшие в письменной передаче мифы античной Греции

[Радлов 1989: 356].

Надежда Петровна блестяще выполнила эту задачу. Присущие ей высокая культура мышления, знание как тюркских, так и европейских языков, удивительное умение проникнуть в иную культуру, что было привито ей ленинградской этнографической школой, дали Дыренковой возможность подойти к изучению этого объекта культуры как текста, в котором языком художественных образов записаны наиболее существенные представления народа о Вселенной, жизни и смерти, месте человека в этом мире и его судьбе в мире потустороннем. Используя метод сравнительного изучения, который позволил ей восполнить утраченные сведения о шаманских атрибутах в одной культуре сохранившимися в других стадияльно близких культурах, она смогла на основе отрывочных и противоречивых сведений создать широкую панораму мировоззренческих идей, присущих тюркским и монгольским народам Сибири, которые далеко выходят за рамки собственно шаманистических представлений. Более того, дав классификацию шаманских атрибутов, она вплотную подошла к созданию их типологии, что явилось основой для статьи Е.Д. Прокофьевой «Шаманские бубны», где эта типология получила окончательное завершение [Прокофьева 1960: 435–492].

В области языкознания и этнографии тюркских народов Сибири Н.П. Дыренкова еще при жизни была признана одним из ведущих специалистов не только в отечественной, но и в мировой науке. Блестящее

знание тюркских языков, свободное владение тремя европейскими языками и хорошее оперирование научной литературой позволили ей, опираясь на собственные полевые материалы, создать несколько монографических исследований, ставших классическими в мировой тюркологии. Однако значительное количество ее работ, не утративших своего научного значения и в наше время, к сожалению, долгие годы оставалось достоянием архива.

Начало международного признания Надежды Петровны Дыренковой как специалиста относится к 1928 г., когда по приглашению президента XXIII Международного конгресса американистов, известного американского ученого-антрополога Франца Боаса^{xxxiii} Дыренкова готовит для конгресса доклад «Культ медведя у тюркских племен Сибири» (“Bear Worship among the Turkish Tribes of Siberia”) [Dyrenkova 1930]. Ф. Боас состоял в личной переписке с Н.П. Дыренковой и высоко ценил ее научные исследования в области изучения традиционных культур, языков и фольклора народов Алтая [ЛЯД].

В 1934 г. в Анкаре состоялся Всемирный тюркологический конгресс лингвистов. На конгресс Н.П. Дыренкова представила доклад «Значение термина “*bura ~ pyra*” у алтайских тюрков (в связи с культом коня и оленя)». К этому же конгрессу под руководством академика А.Н. Самойловича Н.П. Дыренкова в 1933 г. сделала научное описание коллекций предметов быта, культа и музыкальных инструментов алтайцев. Эта коллекция была передана АН СССР в дар Этнографическому музею в Анкаре «в качестве подарка советского правительства правительству Турции» [Дьяконова, Клюева 1980: 75; АМАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 97]. Ее доклад, посвященный научному описанию коллекции по культуре алтайцев, стал на конгрессе тюркологов сенсацией. Министерство иностранных дел Турецкой Республики в специальном письме выразило благодарность АН СССР, где высоко оценило и саму коллекцию, и описание экспонатов, содержащее ценнейшие сведения о культуре народов Алтая [Решетов 1995: 41].

За свою короткую жизнь Н.П. Дыренкова опубликовала около 30 работ по культуре тюркских народов Саяно-Алтая. Все они не потеряли своей научной ценности и в наши дни, ссылки на ее статьи по этнографии, фольклору, языку и в настоящее время делаются в работах не только специалистов по тюркским народам, но и широкого круга ученых, занимающихся проблемами мировоззрения народов Сибири. Научная общественность высоко чтит научный вклад Н.П. Дыренковой в тюркское языкознание, фольклор и этнографию. В 1965 г. в Висбадене Н.Н. Поппе в своей книге «Введение в алтайское языкознание» (“Introduction to Altaic Linguistics”) опубликовал 29 биографий и списки трудов выдающихся тюркологов мира, среди них была и Надежда Петровна Дыренкова [Porre 1965: 109].

* * *

В первой половине 1941 г. жизнь в Ленинграде шла своим чередом. В самом начале года в Институте этнографии АН СССР произошли кадровые изменения. Его директор академик Василий Васильевич Струве^{xxxiv} возглавил Институт востоковедения, а на его место был назначен Исаак Натанович Винников^{xxxv}, который также заведовал кафедрой этнографии в ЛГУ и был главным редактором сборника статей (позднее журнала) «Советская этнография» [Решетов 2005: 87]. В это же время завершился процесс структурной реорганизации института. Вместо прежде существовавшей параллельной музейной и научной структуры создавалась единая система отделов. Но 22 июня 1941 г. мирная жизнь окончилась. Началась Великая Отечественная война, а с ней и блокада Ленинграда. Н.П. Дыренкова, как и многие другие сотрудники, была вынуждена большую часть времени проводить в институте. В ее квартире на улице Чехова было холодно, тем более что накануне войны квартиру Надежды Петровны превратили в коммунальную, и она теперь занимала только ее часть [из беседы с Г.Н. Райской]. Институт тоже постепенно превращался в большую коммунальную квартиру. Сотрудники обживали кабинеты первого и второго этажей, а затем и подвальные помещения. Здесь жили А.А. Попов (с женой), Г.Н. Прокофьев, В.В. Антропова^{xxxvi} и многие другие. «В общей сложности в подвалах жили около 30 наших сотрудников» [Вологодина 1994: 167].

Рис. 3. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. 1940 г.
[АМАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 1. Ед. хр. 29]

Почти с первого дня войны (с 18 часов 23 июня) в институте установилось круглосуточное дежурство. Был создан специальный отряд самообороны из мужчин-сотрудников музея. Помимо военизированного мужского отряда, были организованы круглосуточные дежурства, которые несли в основном женщины. Так, на «вышке здания установили пост для наблюдения за воздушными силами противника» [Станюкович 1964: 127]. Сотрудникам приходилось еще и подготавливать ценные коллекции Музея к эвакуации. Само здание менялось на глазах. На башне Кунсткамеры была размещена огневая зенитно-пулеметная точка и наблюдательный пункт. «Окна угловых кабинетов первого этажа (отделы Африки и Сибири) были заложены, а незакрытые щели должны были служить амбразурами. В этих кабинетах были размещены артиллерийские орудия» [Решетов 2005: 91]. Спасая положение здания, которое превращалось в военный объект, И.Н. Винников пишет письмо (23 сентября 1941 г.) первому секретарю обкома и горкома ВКП(б) и члену Военного совета Северо-Западного фронта А.А. Жданову и секретарю Василеостровского РК ВКП(б) А.А. Шишмареву, в котором говорит об опасности потери Кунсткамеры как одного из древнейших каменных сооружений в Ленинграде (вместе с уникальными коллекциями). Как ни удивительно, но это письмо «подействовало». Военизация Кунсткамеры прекратилась. Вместо этого на Университетской набережной были созданы дзоты, а со стороны Таможенного переулкa было устроено проволочное ограждение [Решетов 2005: 92–93]. В оборонные мероприятия включились все, кто имел отношение к Музею, в том числе и Н.П. Дыренкова. В это же время директор МАЭ И.Н. Винников готовит списки сотрудников института, подлежащих эвакуации. Они включали 20 фамилий. Среди них были С.А. Штернберг, Г.Н. Прокофьев, *Н.П. Дыренкова*, Н.А. Липская, А.Б. Пиотровский и др. [Решетов 2005: 96].

Но, несмотря на возможное грядущее спасение, судьба готовила Надежде Петровне совершенно иной исход... Во время одного из дежурств она простыла. Через некоторое время на фоне прогрессирующей красной волчанки (ожоги от солнечного света на лице и теле), которая преследовала ее со времени экспедиции 1932 г. в Шорию, Н.П. Дыренкова заболела еще и воспалением легких...

Находясь в тяжелейшем состоянии, она составляет завещание.

Завещание

В случае моей смерти предоставляю полное и безусловное право распоряжаться всем без исключения лично мне принадлежавшим имуществом, как то: научными материалами, книгами, мебелью, посудой, носильными и домашними вещами и всем прочим имуществом, равно как и денежными суммами, как находящимися в наличии и следуемыми мне от разных лиц и учреждений, профессору И.Н. Винникову.

Единоличному усмотрению И.Н. Винникова предоставляю определить характер и размер имущества, которое он пожелает взять себе в собственность или передать моей наследнице Галине Николаевне Райской.

Ленинград, 5 октября 1941 г.

Н. Дыренкова

[СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 271. Л. 2].

Пытаясь хоть как-то спасти Н.П. Дыренкову, И.Н. Винников 25 октября 1941 г. пишет письмо директору поликлиники при Ленинградском университете:

Директору поликлиники при Ленинградском государственном университете

Очень прошу Вас осмотреть и исследовать доцента Ленинградского государственного университета и старшего научного сотрудника Института этнографии Академии наук СССР Н.П. Дыренкову, которая находится в очень болезненном и тяжелом состоянии.

Директор Ин[ститу]та этнографии
и заведующий кафедрой этнографии ЛГУ,
профессор И.Н. Винников

[АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 253].

Но несмотря на все старания директора, по всей видимости, помочь Надежде Петровне уже было нельзя. 28 октября 1941 г. ее жизнь оборвалась в здании МАЭ за рабочим столом. Причиной смерти стал сердечный приступ. Похоронили Надежду Петровну Дыренкову на Волковом кладбище Ленинграда.

Уже нет в живых тех, кто тогда был рядом с Надеждой Петровной. Но воспоминания, словно мифологические образы, кочуют из поколения в поколение исследователей. Ученица Е.И. Убрятовой^{xxxvii} И.А. Невская, основываясь на ее воспоминаниях, рассказала, что в тот день все, кто пришел на кладбище, принесли белые хризантемы, которые так любила Н.П. Дыренкова. Могила исследовательницы буквально утонула в цветах...

4 ноября

Председателю Дзержинского райсовета

На днях скончалась старшая научная сотрудница Института этнографии Академии наук ССР Надежда Петровна Дыренкова, проживавшая по улице Чехова, д. 4, кв. 23. В комнатах, которые занимала покойная, в настоящее время никого не осталось, так как ее дочь, Райская Г.Н., эвакуирована из Ленинграда, ее брат, Дыренков А.П., находится на службе в Краснознаменном Балтийском флоте, а жена ее брата, Рябичева Д.А., эвакуирована вместе с заводом, на котором она работала в г. Чкалове.

Институт этнографии крайне заинтересован в сохранении многочисленных ценнейших материалов, оставшихся после покойной, и ее богатой

личной научной библиотеки, убедительно просит Вас дать распоряжение о сохранении в неприкосновенности комнат, которые занимала покойная, впредь до возвращения ее законных наследников — жильцов этих комнат.

Директор института
профессор И.Н. Винников

[СПб. ФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Ед. хр. 271. Л. 7].

После смерти Надежды Петровны Дыренковой ее полевые материалы и неопубликованные научные труды долгое время оставались в секторе Сибири Института этнографии. Лишь в 1950 г. они были переданы В.В. Антроповой (сотрудницей этого сектора) в архив ИЭ РАН (ныне — МАЭ РАН) без предварительной научной обработки. В 80-х гг. архив Н.П. Дыренковой был обработан и зарегистрирован, его материалы включены в одну опись, которая составляет 265 единиц хранения. Эта работа была выполнена архивариусом И.В. Жуковской и сотрудником Библиотеки РАН Д.А. Функом. В архиве сосредоточены уникальные неопубликованные материалы по фольклору, языку, этнографии шорцев, алтайцев, телеутов, хакасов, кумандинцев, тофаларов и чулымских тюрок. Архивом Н.П. Дыренковой широко пользуются сотрудники научных учреждений и студенты вузов Сибири, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов.

Примечания

ⁱ В настоящем очерке частично использован материал, опубликованный в статье В.П. Дьяконовой о Н.П. Дыренковой в Горно-Алтайске [Дьяконова 1989: 3–14]. Работа над очерком Д.В. Арзютова поддерживалась Фондом содействия отечественной науке и программой «Организация и финансирование работ молодых ученых Российской академии наук по приоритетным направлениям фундаментальных исследований» (в рамках Программы целевых расходов Президиума РАН «Поддержка молодых ученых»).

ⁱⁱ **КИПС** — Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (1917–1930). Основной задачей КИПС'а было составление племенной карты России на основе материалов переписи 1897 г. и очерков о народах страны. Материалы КИПС'а в настоящее время хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. В 1930 г. КИПС был преобразован в Институт по изучению народов СССР (ИПИН), а 1933 г. на базе ИПИН'а и МАЭ был создан Институт антропологии и этнографии АН СССР [Решетов 2003: 90].

ⁱⁱⁱ **Штернберг Лев (Хаим Лейба) Яковлевич** (1861–1927) — советский этнограф, член-корреспондент АН СССР (1924). Профессор Ленинградского университета (с 1918 г.). За участие в народовольческих организациях был сослан на Сахалин (1889–1897), где изучал культуру нивхов (гиляков). С 1901 г. работал в Музее этнографии и антропологии в Ленинграде. Доказывал единство человечества с позиций эволюционизма. Этнографию понимал как науку о культуре первобытных народов и ее пережитках. Л.Я. Штернберг внес значительный вклад в изучение первобытной религии (представлений о сверхъестественных хозяевах, избранничестве, схема этапов эволюции верований и др.).

^{iv} **Богораз Владимир Германович** (псевдонимы: Н.А. Тан, В.Г. Тан; известен также как Тан-Богораз; урожденный **Натан Менделевич Богораз**; 1865–1936) — революционер, писатель, выдающийся этнограф и лингвист (специалист по чукчам и другим палеоазиатским народам). За причастность к революционной деятельности провел в ссылке с 1890 по 1898 г. в Средне-Колымске Колымского округа Якутской области. Долгие годы совместной жизни с «инородцами» дали ему возможность изучить их быт, нравы, язык, верования. В 1899 г. В.Г. Богораз по рекомендации Академии наук был приглашен Нью-Йоркским естественно-историческим музеем к участию в научной экспедиции (Джезуповская), имеющей целью изучение в этнографическом, антропологическом и археологическом отношениях северных берегов Тихого океана. Целые тома его трудов были изданы затем на английском языке. Осенью 1905 г. он был снова арестован по делу Всероссийского крестьянского союза. После освобождения продолжил карьеру как этнограф. Работал в МАЭ РАН, ЛГУ, а в 30-х гг. был первым директором Музея религии в Казанском соборе (сейчас — Государственный музей истории религии) г. Ленинграда.

^v **Географический институт** — первое специальное географическое высшее учебное заведение в Советской России, созданное в Петрограде в 1918 г. на базе Высших географических курсов. В его задачи входила подготовка полевых исследователей и научных работников — географов и этнографов. Руководство научной работой осуществлялось Ученой коллегией, которая впоследствии была преобразована в Географическо-экономический научно-исследовательский институт (ГЭНИИ). В 1925 г. Географический институт вошел в состав Ленинградского государственного университета в качестве особого факультета. Структура и учебные планы Географического института были положены в основу географических факультетов университетов и педагогических институтов СССР.

^{vi} **Абрамзон Саул Матвеевич** (1905–1977) — советский этнограф, специалист по истории и культуре народов Средней Азии. Доктор исторических наук. Работал в ЛЧ ИАЭ АН СССР. **Василевич Глафира Макарьевна** (1895–1971) — советский этнограф и лингвист. Специалист по языку, культуре и истории эвенков. Доктор исторических наук. Работала в ЛЧ ИАЭ АН СССР. **Иванов Сергей Васильевич** (1895–1986) — советский этнограф, искусствовед. Автор фундаментальных работ по традиционному искусству и скульптуре народов Сибири. Доктор исторических наук, профессор. Работал в ЛЧ ИАЭ АН СССР. **Кисляков Николай Андреевич** (1901–1973) — советский этнограф, историк культуры народов Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии (прежде всего персов и таджиков). Руководил МАЭ АН СССР (1945–1948). **Потанов Леонид Павлович** (1905–2000) — советский/российский этнограф, историк и музевед, доктор исторических наук (1946), профессор (1951), заслуженный деятель науки РСФСР (1965). Долгое время возглавлял ЛЧ ИАЭ АН СССР (1948–1967). Автор фундаментальных трудов по истории и культуре тюркоязычного населения Южной Сибири и Центральной Азии. Лауреат Государственной (Сталинской) премии СССР (1951) за работу «Очерки по истории алтайцев» (первое издание: 1948 г.). **Прокофьев Георгий Николаевич** (1897–1942) — советский этнограф и лингвист. Специалист по культуре и языку самодийских народов. Некоторое время заведовал кабинетом этнографии Сибири МАЭ, преподавал этнографию народов Сибири и самодий-

ские языки на этнографическом отделении филологического факультета Ленинградского университета. Скончался на работе в МАЭ в блокадном Ленинграде. **Чернецов Валерий Николаевич** (1905–1970) — крупнейший отечественный угровед, этнограф и археолог, доктор исторических наук (1970). В 1930 г. окончил этнографический факультет Ленинградского университета. В 1930-е гг. был преподавателем Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена и научным сотрудником сначала Института народов Севера, затем — МАЭ. С 1940 г. переехал в Москву и до конца жизни работал в Институте истории материальной культуры (Институт археологии) АН СССР.

^{vii} **Самойлович Александр Николаевич** (1880–1938) — востоковед-тюрколог, академик АН СССР (1929). Ректор Ленинградского восточного института (1922–1925), академик-секретарь Отделения гуманитарных наук АН СССР (1929–1933), директор Института востоковедения АН СССР (1934–1937). Проводил полевые исследования языка, фольклора, быта тюркоязычных народов Крыма, Поволжья, Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Казахстана, Алтая. Участвовал в создании письменностей для языков народов СССР. Основные труды по языку, литературе, фольклору и этнографии тюрков, по общим вопросам и истории тюркологии. Оказал огромное влияние на мировоззрение и судьбу Н.П. Дыренковой и Л.П. Потапова.

^{viii} **Малов Сергей Ефимович** (1880–1957) — лингвист, востоковед-тюрколог, член-корреспондент АН СССР. Специалист по живым и мертвым тюркским языкам. Перевел и опубликовал огромное число древнетюркских рунических надписей. Изучением культуры и языка шорцев занимался в ходе своей поездки летом 1908 г. на средства Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии. Часть материалов этой поездки им издана, а часть находится в СПб. ФА РАН.

^{ix} **Гаген-Торн Нина Ивановна** (1900–1986) — этнограф, специалист по истории и культуре народов Поволжья. Кандидат исторических наук (1946). Была репрессирована. В 1936 г. была арестована и приговорена (по ст. 58-10/2) к 10 годам лагерей; отбывала заключение на Колыме (освобождена в 1942 г.). В 1947 г. арестована повторно и приговорена к 5 годам лагерей; отбывала заключение в Мордовии. После заключения сослана в Сибирь. В 1954 г. вернулась из ссылки, в 1956 г. реабилитирована. Работала в Ленинградском отделении Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (1955–1977). Незадолго до смерти Н.И. Гаген-Торн собиралась написать книгу об исследователях сибирского шаманизма, в которой она хотела рассказать и о Н.П. Дыренковой [Гаген-Торн 2002: 336]. Однако реализовать эту идею Нина Ивановна полностью не смогла, издав только небольшую статью в «Этнографическом обозрении» (1992. № 4) о Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых (этнографы и лингвисты-североведы) в годы их работы в Яновом Стане.

^x Биографических сведений о **Владимире Вецкахтине** нам неизвестно.

^{xi} **Анохин Андрей Викторович** (1867–1931) — известный алтайский ученый-этнограф, композитор, основоположник профессиональной музыки алтайцев, просветитель. Являлся членом Томского отделения Русского музыкального общества и Томского общества изучения Сибири, которым руководил областник Г.Н. Потанин. С 1918 г. преподавал в школе в Чемале. С 1921 г. жил в Барнауле, где преподавал музыку и пение в школе им. III Интернационала. С 1926 г. жил на

Алтае в Улале (ныне — Горно-Алтайск) и преподавал в педагогическом училище. С 1906 по 1931 г. совершил многочисленные этнографические и фольклорные экспедиции по Южной Сибири, Монголии и Восточному Казахстану. Автор многих работ по мифологии, верованиям, музыкальной культуре и шаманизму тюрков Алтая («Богатырский эпос», «Буддийская храмовая музыка», «Материалы по шаманству у алтайцев», «Бурханизм в Западном Алтае», «Душа и ее свойства по представлению телеутов»). Умер в 1931 г. Похоронен в урочище Кюом под Электронаром. В ходе своих полевых исследований Н.П. Дыренкова постоянно консультировалась с А.В. Анохиным.

^{xii} **Панек Лидия Борисовна** (1896–1984) — советский этнограф-кавказовед, сотрудник Института этнографии АН СССР (1925–1950), Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН (1950–1953). Жена известного кавказоведа А.Н. Генко. Была в экспедициях с Н.П. Дыренковой.

^{xiii} **Поппе Николай (Николаас) Николаевич** (1897–1991) — лингвист, специалист по алтайским языкам, монголоведению и тюркологии. Член-корреспондент АН СССР (1932). С 1926 г. работал в Комиссии монголистики АН СССР. Участник Советско-финской войны (1939–1940). В 1944 г. эмигрировал в Германию, с 1949 г. жил в США, являлся профессором Вашингтонского университета. Автор 240 научных трудов по грамматике и сравнительному изучению алтайских языков, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам и фольклору.

^{xiv} Правильнее было бы сказать: около г. Луга. **Батецкий** (название населенного пункта) — районный центр Батецкого муниципального района Новгородской области. Расположен на северо-западе области, на небольшой реке Удрайка, притоке Луги, в 65 км к северо-западу от Новгорода и в 140 км от Санкт-Петербурга. Батецкий — транспортный узел, железнодорожная станция Батецкая Санкт-Петербург–Витебского отделения Октябрьской железной дороги.

^{xv} **Северный комитет при ВЦИК**е (официальное название — Комитет содействия народностям северных окраин при ВЦИК (Комитет Севера)) был создан 24 июня 1924 г., возглавил его член президиума ВЦИК П.Г. Сидович. Просуществовал до 1935 г.

^{xvi} О **Федоре Степановиче Чиспякове**, к сожалению, подробных биографических сведений мы не обнаружили. Что касается его сына, **Электрона Федоровича Чиспякова** (1930–1989), то о нем известно много больше. Он родился в Ленинграде, когда его отец учился в Институте народов Севера. Учился в аспирантуре Томского педагогического института под руководством профессора А.П. Дульзона. В 1973 г. защитил диссертацию «Придаточные предложения в шорском языке» в Томске. Основал кафедру шорского языка в Новокузнецком педагогическом институте.

^{xvii} **Кагаров Евгений Георгиевич** (1882–1942) — этнограф, историк (специалист по античной истории), филолог. Профессор кафедры этнографии ЛГУ. Научный сотрудник МАЭ. В сибирской этнографии оставил след как специалист по традиционному искусству (статья об антиподально расположенных изображениях духов), мировоззрению (статьи о монгольском «обо», культе онгонов и шаманстве) и некоторым другим аспектам.

^{xviii} **Бартольд Василий Владимирович** (1869–1930) — российский/советский востоковед, специалист по истории культуры народов Ближнего и Среднего

Востока. Автор трудов по истории Средней Азии, Ирана, Арабского халифата, ислама и истории востоковедения, возглавлял раскопки в окрестностях Самарканда. Директор МАЭ (1918–1921).

^{xxix} *Данилин Александр Григорьевич* (1896–1942) — советский этнограф, специалист по культуре восточных славян европейской части России и тюркоязычных народов Алтая. Кандидат исторических наук. Работал в МАЭ. Умер в 1942 г. в блокадном Ленинграде. *Каруновская Лидия Эдуардовна* — специалист в области алтайской культуры и домусульманских верований народов Индонезии. *Ксенофонтов Гавриил Васильевич* (1888–1938) — известный якутский исследователь, специалист по истории и культуре якутов, шаманизма и истории религии. *Старынкевич Иоанна Дмитриевна* (в замужестве Хлопина; (1904– ?)) происходила из семьи петербургского инженера Дмитрия Сократовича Старынкевича. И.Д. Старынкевич написала не очень много работ. Главным образом они касались шорцев (этот материал она опубликовала только в 1970-е гг., а затем — в начале 1990-х) и нескольких заметок о культуре и социальной организации киргизов, лишь некоторые из них увидели свет. Одна из них осталась неопубликованной и в настоящее время хранится в архиве Н.П. Дыренковой. В 1930-е гг. исследовательница покинула институт и продолжила свои научные изыскания в области медицины, став доктором медицинских наук [устное сообщение А.М. Решетова].

^{xxx} *Март Николай Яковлевич* (1865–1934) — российский/советский востоковед и кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик Императорской Академии наук, затем академик и вице-президент АН СССР. После революции получил громкую известность как создатель нового учения о языке, или яфетической теории.

^{xxxi} О *Ленкорове* и *Даниекалсоне*, к сожалению, никаких сведений обнаружить не удалось.

^{xxxii} *Державин Константин Николаевич* (1903–1956) — советский литературовед, театровед и переводчик. Педагог, профессор Ленинградского университета, доктор филологических наук. Член-корреспондент Болгарской АН (1946). Сын *Державина Николая Севастьяновича* (1877–1953) — советского историка, филолога, академика АН СССР (1931), автора работ в области этногенеза славян, истории русской литературы, болгарской культуры, лауреата Сталинской премии (1948).

^{xxxiii} *Бузыгин А.А.* — заместитель директора ИЭА. Репрессирован.

^{xxxiv} Впоследствии эти работы под несколько иными названиями будут подготовлены Н.П. Дыренковой к печати, но так и не будут изданы.

^{xxxv} О судьбе этих двух исследовательниц нам ничего не известно.

^{xxxvi} Это район компактного проживания челканцев (в материалах этого времени зачастую назывались шолганцы).

^{xxxvii} *Руденко Сергей Иванович* (1885–1969) — этнолог, антрополог, археолог, гидролог. Основные труды по этнографии, антропологии, археологии народов Поволжья (главным образом башкир) и Сибири, по так называемой эскимосской проблеме. Особое значение имеют его исследования памятников древней культуры Горного Алтая (Пазырыкские курганы); также возглавлял археолого-этнографические экспедиции в Забайкалье, Казахстан, Башкирию, на Чукотку.

^{xxviii} Биографических сведений о *М.Н. Комаровой* у нас нет.

^{xxix} *Дебец Георгий Францевич* (1905–1969) — известнейший отечественный антрополог, один из основателей широких палеоантропологических изысканий на территории СССР и антропологического изучения современных народов. Доктор биологических наук (1941), профессор (1944), вице-президент Международного союза антропологических и этнографических наук (1968). Основные труды по проблемам расоведения, этнической антропологии, палеоантропологии и антропогенеза, а также по антропологическому составу народов, населяющих СССР и Афганистан.

^{xxx} *Долгих Борис Осипович* (1904–1971) — выдающийся советский этнограф, автор многих трудов по истории и этнографии народов Сибири, в том числе кетов, эвенков, нганасан и других. Работал в ИЭ АН СССР.

^{xxxi} *Баскаков Николай Александрович* (1905–1996) — крупнейший советский/российский лингвист-тюрколог. Окончил Ленинградский институт народного образования (1925) и историко-этнологический факультет МГУ (1929). Работал научным сотрудником Лингвистической комиссии по национальным и колониальным проблемам при Коммунистическом университете трудящихся Востока (1931–1933), старшим научным сотрудником Института языка и письменности (1937–1950) и Института языкознания АН СССР (с 1950 г.). Доктор филологических наук (1950), профессор (1969), почетный член ряда международных и зарубежных научных обществ. Неоценима заслуга Николая Александровича в изучении алтайского языка и его диалектов. В 1958 г. вышла в свет его книга «Алтайский язык. (Введение в изучение алтайского языка и его диалектов)», в которой впервые обобщены сведения по истории изучения этого вопроса с конца XIX в. Из фундаментальных работ по диалектологии следует назвать в первую очередь многотомное исследование, посвященное описанию северных диалектов алтайского языка — туба-кижи, куманды-кижи, чалканцев. Эти труды стали базой, позволившей перейти к более глубокому исследованию теоретических проблем фонетики, морфологии и синтаксиса. Известен как лексикограф и соавтор многих словарей тюркских народов, участник разработки алфавитов и орфографии тюркских языков, учебных и методических пособий.

^{xxxii} Надежда Петровна состояла в переписке с А.М. Горьким и по его представлению передала в редакцию альманаха «Год XVIII» для публикации один из образцов шорского фольклора. Альманах выпускало Государственное издательство художественной литературы. В редколлегию альманаха входили: А.М. Горький, Л. Авербах, Е. Габрилович, В. Ермилов, Вс. Иванов, В. Кирпотин, П. Павленко, Н. Тихонов и А. Фадеев. В январе 1936 г. ей присылают уведомление о приеме в портфель альманаха «Год XIX» сказания об Алтын-Картыге [ЛАД]. Но, по всей видимости, опубликовано оно не было.

^{xxxiii} *Боас Франц* (1858–1942) — американский антрополог, лингвист и естествоиспытатель, один из основателей современной антропологии («отец американской антропологии»). С именем Боаса связан расцвет исследований материальной и духовной культуры, а также фольклора и языков американских индейцев; его учениками являются многие выдающиеся американские лингвисты и антропологи XX в., в том числе Альфред Крёбер, Эдвард Сепир, Джозеф Гринберг и др. Взгляды Боаса также оказали влияние на Р. Якобсона и К. Леви-Стросса (Якоб-

сон, в частности, связывал с работами Боаса свою концепцию грамматического значения).

^{xxxiv} **Струве Василий Васильевич** (1889–1965) — российский/советский историк-востоковед, специалист по истории Древнего Египта и Ассирии. Академик АН СССР, руководил Институтом этнографии АН СССР (1937–1940), а затем Институтом востоковедения АН СССР.

^{xxxv} **Винников Исаак Натанович** (1897–1973) — семитолог-лингвист, этнограф, историк Средней Азии, профессор ЛГУ, директор ИАЭ (1940–1942). Надежду Петровну Дырленкову и Исаака Натановича связывали многолетние дружеские отношения.

^{xxxvi} **Антропова Валентина Васильевна** (1909–1976) — советский этнограф, музеевед. Специалист по истории и культуре чукчей.

^{xxxvii} **Убрятова Елизавета Ивановна** (1907–1990) — выдающийся отечественный лингвист-тюрколог. В 1929 г. окончила филологический факультет (отделение «Русский язык и литература») Иркутского государственного университета. В 1935–1938 гг. училась в аспирантуре Ленинградского государственного университета; научный руководитель — член-корреспондент АН ССР С.Е. Малов. В 1940 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Язык норильских долган», в 1953 г. — докторскую диссертацию на тему «Сводное предложение в якутском языке». Профессор (1956). До 1963 г. работала в Институте языкознания АН СССР, с 1963 г. — в гуманитарном отделе Института экономики Сибирского отделения АН СССР. С 1968 г. — заведующая сектором языков народов Сибири Института истории, филологии и философии СО АН СССР. С 1963 по 1970 г. по совместительству профессор кафедры общего языкознания гуманитарного факультета Новосибирского госуниверситета. Сферой научных интересов Е.И. Убрятовой были теоретический синтаксис и история тюркских языков.